

Эльдар Сафин Марина Дробкова



ТАНЕЦ С ЗЕРКАЛОМ



Зеркало (Рипол)

Эльдар Сафин

Танец с зеркалом

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сафин Э. Ф.

Танец с зеркалом / Э. Ф. Сафин — «РИПОЛ Классик»,
2018 — (Зеркало (Рипол))

ISBN 978-5-386-12083-2

Эта книга серии «Зеркало» устроена чуть иначе, чем предыдущие: в каждом блоке три рассказа – мужской, женский и соавторский, что позволяет не только увидеть противоположные точки зрения, но и проследить, как они пересекаются, рождая нечто новое. Авторы ведут завораживающий путь от рождения к смерти, рассматривая каждое мгновение как набор определенных движений, формализованных в виде танца. Вальс и фокстрот, брейк и хоровод, танго, макабр и пляска смерти выворачивают наизнанку представления о мире и героях, создавая причудливые вселенные, расположенные рядом с нами – в наших фантазиях, в будущем, прошлом или даже в наших старых школьных тетрадах. Это не противопоставление мужского и женского, не сравнение и не поиск пересечений: это генезис мужского и женского. Это танец. И авторы приглашают читателя присоединиться к нему. Иллюстрации Арины Щербининой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-12083-2

© Сафин Э. Ф., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

1		6
	♂ Зеленые холмы Дмитрия Тоцкого	7
	1. Агнец	7
	2. Муравей	7
	3. Кукушка	8
	4. Кукушата	9
	5. Еж	9
	6. Термиты	10
	7. Лев	11
	8. Свинья	11
	9. Феникс	12
	10. Дракон	13
	11. Ласточка	14
	12. Черная вдова	14
	13. Олень	14
	14. Капкан	15
	15. Гидра	16
	16. Лемминги	16
	17. Змея кусает свой хвост	17
	♂♀ Закат ледяных королей	18
	♀ Письма московскому другу	33
2		38
	♂ Морковка для Альбиноса	39
	♂♀ Последнее танго на Марсе	46
	♀ Почти маджонг	62
	Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эльдар Сафин, Марина Дробкова

Танец с зеркалом

© Эльдар Сафин, Марина Дробкова, 2018

© Арина Щербинина, иллюстрации, 2018

© Анатолий Дубовик, художественное оформление, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

* * *

Я не стараюсь танцевать лучше всех остальных.

Я стараюсь танцевать лучше себя самого.

Михаил Барышников

Танец дервишей невозможно сравнивать с танцем маленьких утят, а вальс – с макабром. Чечетка и танго, хороводы и буги-вуги – это лишь малая часть того, что вмещает в себя понятие «танец».

Танец – это отражение внутреннего мира. Но вершина танцевальной культуры – это парный танец – во время которого появляется единый танцор.

Соавторство – это парный танец, в котором с одной стороны один соавтор, с другой – второй, а посередине между ними – их общее творчество, их движение, их эмоции.

Возможно ли разложить парный танец на составляющие? Увидеть первого танцора отдельно от второго, почувствовать, что и как между ними? Проследить танец от момента рождения, через взросление и старение до мига смерти?

Наверное, невозможно.

Но нет ничего более притягательного, чем невозможное.

Мы попытались.

♂ – **Эльдар Сафин**

♀ – **Марина Дробкова**

1
Дикий ребенок
ТАНЦУЮЩАЯ ЧУМА



Танцующая чума – вид средневекового безумия, когда люди внезапно начинали танцевать и не могли остановиться. Некоторые во время танца умирали от изнеможения, инсультов, инфарктов или обострения заболеваний. Другие после танца чувствовали себя отлично, излечивались от болезней. Нередко танцующая чума охватывала детей.

Зеленые холмы Дмитрия Тоцкого

1. Агнец

Чтобы покончить с пред-жизнью, мне нужно было принести жертву. Есть множество практик и методик, в которых жертва не обязательна или может быть символической. Ну, например, нужно сломать веточку над алтарем или насыпать соль пополам с содой в плоску и произнести: «Пусть эта жертва будет залогом...».

Так – не работает. Можете мне поверить, я пробовал все. И в итоге пришел к выводу, подтверждаемому самыми авторитетными источниками, что, во-первых, жертва должна быть настоящей, а во-вторых, – не надо, чтобы она портила карму.

На тот момент у меня имелись: наполовину погашенная ипотека, должность руководителя отдела продаж в компании, торгующей бухгалтерским ПО, четырехлетний Форд «Фокус» и невеста, с которой мы ссорились каждый раз, когда речь заходила о нашей свадьбе.

С другой стороны, можно сказать, что у меня были семь лет дзюдо в детско-юношеской спортивной школе олимпийского резерва, шесть лет в МАИ, четырнадцать курсов и шесть интенсивов по продажам, а еще купленный втайне от всех дорогой и совершенно бесполезный курс по картам Таро.

С третьей стороны мне стукнуло тридцать четыре года от рождения, двадцать девять от первой осознанной и запомненной мысли, восемнадцать лет от окончания школы, двенадцать от окончания института и семнадцать от потери девственности.

Наступил момент кризиса: я не понимал кто я, что я и зачем. Казалось, весь мир задался целью вбить меня в стандартную колею, из которой я выпаду – например – в семьдесят три, обремененный онкологией, семью внуками и третьим браком.

И я решил изменить свою жизнь. Полтора года все свободное время я искал – как же мне вылезти из проклятой колеи. И я нашел. В итоге ранним весенним утром, когда Москва вся еще спит, и лишь дворник, бормоча что-то неразборчивое на тюркском наречии, метет под окном двор, я вскрыл вены.

Это была осознанная жертва. В ванне курились все необходимые благовония, а на голубом кафеле стен я нарисовал нужные символы. У изголовья лежала колода – обычная покерная в пятьдесят четыре карты. Я всегда был игроком, и когда выбирал предмет, символизирующий меня, не усомнился ни на мгновение.

Но в самый последний момент испугался.

А что, если...

И умер.

2. Муравей

Не было ничего, совсем ничего. Просто пустота, она приходила изнутри, отражалась вовне и уходила обратно, принося бесконечный холод.

Я словно летал, парил – но на самом деле не двигался с места. И это длилось бесконечно, пока однажды я не смог сосредоточиться и не создал твердь. Совсем мало – может быть, пять – а может семь сантиметров неровной каменной тверди в диаметре. Но получив ее, я получил точку отсчета. И больше не было бесконечной пустоты – а стала твердь, окруженная пустотой.

С этой точки начался отсчет времен. Когда я нарастил твердь достаточно для того, чтобы не грохнуться с нее во сне, я зажег над твердью свет. Свет получился тусклый, и с каким-то алым, раздражающим меня оттенком. Но все же, это уже не была тьма.

День за днем, ночь за ночью, прекращая свои труды лишь затем, чтобы немного поспать, я создавал свой мир. Полгода у меня ушло на то, чтобы воздвигнуть зеленые холмы километра на три в длину и километра на два в ширину.

Теперь это был не голый камень, а земля с травой и деревьями. Через восемь месяцев первая яблоня дала плоды. И хотя я в этом мире не нуждался в еде, первое яблоко я съел, несмотря на то, что оно оказалось чудовищно кислым.

И в тот же вечер обнаружил, что больше не наг – я был одет в мокасины, фетровую шляпу, алую шелковую рубашку и серый фланелевый костюм, а в кармане брюк была та самая покерная колода.

Видимо, закон про яблоко и наготу относился не только к моей родной земле, но считался базовым для всех вселенных.

3. Кукушка

За полтора года я сильно продвинулся. В моем мире возникли скалы и поля, озера и реки, сады и холмы. В основном, конечно же, холмы. Я не знаю, почему так случилось, но изумрудная зелень холмов появлялась каждый раз, когда я творил бездумно – для них мне не нужно было прилагать усилий. Скалы или сады создавать было куда сложнее.

В моем мире жили птицы, рыбы, насекомые. Бегали уже кролики и суслики, лисы, я подбирался к созданию волков и медведей, а потом – последовательно, конечно же – людей.

Моя борода достигла груди, и даже брови стали сильно гуще. В шевелюре проклюнулись первые седые волосы, но это не пугало и не смущало меня.

Я отдыхал вечером в тени деревьев, когда доработанное мною солнце уже палило не так сильно. И тут из-за скал показалась она – чернявая, с острым, чуть усталым взглядом, тонкими чертами лица. Я бы дал ей двадцать два-двадцать три года, На ней красовался длинный серый балахон, скрывающий тело от шеи до кистей рук и ступней в грубых деревянных сандалиях.

– Помогите мне, – потребовала она.

Говорила она на незнакомом языке, но в своем мире я сам был точкой отсчета и не мог ее не понять.

– Ив чем же вам помочь? – поинтересовался я.

Молодая женщина резким движением приподняла балахон, и я увидел на ее левой лодыжке стальной браслет, от которого тянулась цепь.

Пройдя вдоль нее, я обнаружил на каменистой земле длинный хрустальный гроб, в котором лежал мощный бородатый мужик лет пятидесяти, в такой же, как на женщине, хламиде.

– Вам помочь снять цепь? – поинтересовался я.

– Как вы смеете! – возмутилась она. – Это священные узы брака! Помогите мне дотащить гроб до вашего дома и примите меня как гостью!

Ее звали Юлифь. Сказать по чести, первой мыслью было вскрыть гроб, подложить даму к мужу и закопать их подальше в скалах, чтобы через несколько лет глянуть, не взошло ли из этого семени что-нибудь интересное.

Но проклятое воспитание не дало мне поднять руку на гостью. Домом я на тот момент не обзавелся – да он мне и не требовался, весь этот мир был для меня домом, крепостью, твердыней. Но чтобы не разочаровывать гостью, я помог ей поднять гроб, и пока мы тащили его мимо скал, сразу за ними я возвел небольшую избушку-пятистенки.

К этому времени, если я что-то создавал, оно почти сразу начинало жить своей жизнью, обрастало текстурами и мелочами, встраивалось в мир, притворяясь, что существует уже давно. Видя и чувствуя это, я бы отнюдь не удивился, если бы узнал, что мой родной мир с Москвой, «Песнью о вешем Олеге» и динозаврами был создан, например, в начале двадцатого века декадентствующим демиургом.

Юлифь дом мой разругала в пух и прах: слишком маленький, слишком крестьянский, и пахнет в нем луком, и слуг нет, чтобы затопить печь.

Чтобы накормить Юлифь ужином, мне пришлось создать пару бутылок вина, головку сыра, вяленую свиную ногу и большой пирог с индейкой и яйцами. К концу ужина она сменила гнев на милость и сказала:

– Чтобы гостеприимство оказалось достаточным, прошу вас помочь мне с омовением, а затем согреть мою постель.

– А как же ваш муж? – удивился я.

– О, он очень спокойный! – уверила меня Юлифь. – А если накрыть гроб покрывалом, то еще и незаметный!

Все же я отказался от оказанной чести. Эта встреча очень смутила меня и выбила из привычного ритма. Как только дама уснула на печи – гроб пришлось взгромоздить туда же, к стене – я пошел и продолжил созидание мира.

4. Кукушата

За ночь я создал семнадцать волков, две полные стаи, каждая из которых имела свою территорию. В одной из стай вожаком я сделал старую, седую волчицу, которую мечтали свергнуть молодые волки, являющиеся одновременно ее сыновьями и любовниками, но до того, как они смогут – пройдет еще немало времени.

Утром я просто свалился от усталости прямо в холмах и спокойно уснул, а проснулся от детских голосов.

– Нет, не я!

– Нет, ты!

– Нет, не я!

Они были визгливы и настырны – двое мальчишек и девчонка в балахонах, то ли дошкольного, то ли младшего школьного возраста, я никогда не умел определять возраст детей.

– Вы! – ворвался я в избушку и указал на Юлифь. – Вы притащили сюда этих несносных!..

– Это ваши дети! – проникновенно заявила женщина, все еще лежащая на печи. С небольшим уколom совести я понял, что без моей помощи ей не снять гроб и не слезть.

– Уж на таком-то уровне я процессы представляю, – ответил я. – Все, хватит, поиграли и будет. Я готов проводить вас вместе с вашими детьми и вашим мужем из моего мира.

Женщина зарыдала, умоляя пощадить ее и ее детей. Я дал ей один день, не более – с крайним сроком в следующее утро.

Весь день я создавал гору и горный ручей, а ночью сделал медведя – пока одного, зато матерого, старого, с множеством шрамов. Когда я сотворю людей, то совсем не удивлюсь, если окажется, что в прошлом медведь задрал не одного охотника.

Под утро меня сморил сон. А вместо пробуждения я получил самый сильный толчок из всех, какие когда-либо мне выпадали.

5. Еж

И вновь я был в пустоте. Но сердце мое осталось в том мире, который я возвел, и я попытался пробраться в него – но ничего не получилось, я мог сколько угодно летать вокруг тверди с зелеными холмами, но никак не мог проникнуть внутрь.

Не знаю, сколько времени я потратил на то, чтобы прорваться – но мне так и не удалось это. Но окончательно устав и потеряв надежду, я вдруг понял, что Юлифь должна была откуда-то появиться. Не могла же она возникнуть сама по себе в пустоте, да еще сразу с тремя детьми и пристегнутым к ноге гробом.

Расследование не было слишком долгим. Сама по себе пустота – это ничто, без причин и следствий. Но любой предмет, зарождающийся в ней, сразу же образует множество следствий. Атак как многие предметы появляются уже с историей, то образуются и причины.

Мой мир зеленых холмов при создании породил множество прилегающих территорий, уходящих эхом в другие измерения. То есть, создав свой мир, я создал и параллельные ему миры. И они оказались не защищены.

6. Термиты

Эти миры были похожи на мои зеленые холмы, как обезьяна во фраке похожа на лоцманского денди: чем ближе подходишь, тем меньше сходства. Но, тем не менее, здесь была твердь, здесь была вода – хотя и мутная, а иногда и ядовитая.

Я нашел место, которое мне понравилось больше, чем другие, и вынул из кармана колоду. Долго раздумывал я над четырьмя королями, но в итоге выбрал бубнового: он показался мне самым здравомыслящим.

Прикусив губу, поцеловал я карту, давая ей свою слюну и кровь, а потом кинул карту на землю, и встал передо мной могущественный монарх с восточными чертами лица и саркастической усмешкой на устах:

– Что нужно тебе?

– Я хочу отвоевать свою землю.

– Янтарь?

Не сразу я понял, что он имеет в виду, а потом покачал головой:

– Все истории о сотворении мира немного похожи... Но нет, не янтарь. У меня есть враг, захвативший мою землю и мне нужна помощь.

– Подними моих братьев, – потребовал Бубновый Король.

– Если мы договоримся, – ответил я.

Он отказался беседовать посреди безжизненных земель. Я взял карту бубнового туза и разбил из нее лагерь, а затем по настоянию собеседника оживил бубновых даму, восьмерку и тройку – по поводу тройки у меня создалось впечатление, что юноша был внебрачным сыном Бубнового Короля, но я не стал уточнять.

– Итак, – Бубновый Король принял из рук своей Дамы кубок с вином и откинулся в удобном кресле. – Ты предлагаешь поднять всю колоду, а за это просишь начать игру: отбить твою землю. Мы должны убить ту женщину, Юлифь, ее мужа, и уничтожить всех его потомков.

– Я тут словно спонсор геноцида, – поежился я. – Ладно, войну начинал не я, и если они сдадутся – то я смогу сохранить их жизнь. Хорошо?

– Правила оговорены, – усмехнулся Бубновый Король. – Я согласен.

– Будут ли твои братья соблюдать правила? – спросил я его.

– Конечно же, – ответил он. – Все, кого ты сейчас поднимешь. И еще: я немного вижу будущее. И ты не представляешь, как смешно тасуется колода!

В тот же вечер я поднял всех, кроме джокеров и Валета Пик. Бубновый Король отдельно попросил не поднимать юношу: он был слишком дерзок и чем-то не угодил влиятельному владыке.

На следующее утро четыре лагеря были заполнены людьми и лошадьми – их всех накопилось куда больше пятидесяти одного, здесь были уже и шлюхи, и маркитанты, и какие-то суровые ветераны без масти на камзолах.

Я встретился со всеми четырьмя Королями и мы подтвердили вчерашний уговор.

– Все, можете отправляться путешествовать, – сказал Пиковый Король. – Я, как бывалый стратег, оцениваю осаду в семь-восемь лет, но не более пятнадцати. Попробуем пройти сквозь скалы и по текущей воде, но с наскоку взять вряд ли удастся.

– Спасибо, – сказал я, протянул руку, но короли посмотрели на меня как на идиота, а Червовый подсказал:

– Только рыцари и люди подлого звания показывают пустую ладонь. У владыки всегда в ладони что-то должно быть. Или золото, или меч, или яд, или скипетр.

Пока я уходил, за моей спиной все больше и больше разрастался лагерь. Идея того, что осада продлится долгие годы, мне не нравилась, но, видимо, других способов получить свою землю обратно у меня не было.

Создать новую я не мог: мое сердце осталось среди зеленых холмов.

7. Лев

Уходил я в никуда и бродил несколько дней по пустынным и ядовитым землям, представляя, как огнем и мечом обрушится войско карточных королей на мои любимые зеленые холмы, а потом – неожиданно даже для себя – вышел прямо на свои любимые холмы, и встал на вершине одного и не узнал своего мира.

Ибо стал он жестче, и объемнее, и сильнее. А под холмами, там, где раньше мир просто обрывался в серое ничто, сейчас билось прибоем стальное море, а над ним кружили чайки. Это был мой мир, но его словно принял из моих рук другой мастер, который продолжил мою работу ровно на том месте, на котором я ее оставил.

– Нравится?

Я прыжком отскочил и чуть не свалился вниз, оборачиваясь. Передо мной стоял смутно знакомый высокий и мощный мужчина. Я не сразу узнал в нем мужа Юлифь. Теперь он был не в балахоне, а в дорогом кафтане, узких кожаных штанах, а на голове у него проглядывал ободок почти незаметной короны.

– Кто ты? – спросил я.

– Зевас, – ответил он. – Ты уж извини, что мы так обошлись с тобой. Надо понимать – у некоторых талант создавать миры. А у других – развивать их. Ты ведь не в обиде?

Он говорил спокойно и взвешенно, но внутри у меня клокотала ярость. Кроме всего прочего, Зевас был немного похож на Андрея Викторовича, моего первого наставника в продажах, тихого и мягкого подлеца.

Хотя, конечно же, это не Зевас походил на Андрея Викторовича, а скорее Андрей Викторович на Зеваса.

– Я в обиде, и я этого так не оставлю, – заявил я мрачно.

– Очень жаль, – грустно улыбнулся Зевас. – Тогда переходим к другому плану.

И в этот момент у меня отказали руки и ноги, и я рухнул на землю. В небе кружили грифы. Грифов я точно не делал. А еще по небу плыли тяжелые грозовые тучи, многослойные, красивые, темно-серые, отливающие местами фиолетовым.

Перед тем, как потерять сознание, я проникся величием и красотой собственного замысла.

8. Свинья

Юлифь подливала Зевасу вина, а я сидел привязанный к креслу-качалке. Привязали меня не потому, что я мог сбежать – куда я сбегу без ног? – а чтобы не выпадал поминутно из кресла, потому что рук у меня тоже не было.

– Согласен, согласен, демиурги тоже нужны! – продолжал нашу беседу Зевас, накалывая на вилку очередной кусочек моей руки. – Но вот сам скажи – кого больше ценят, талантливых администраторов или создателей миров? Вот в том мире, из которого ты родом, кто больше зарабатывал? У кого дом больше, пироги вкуснее?

– Но без нас не будет вас, – ответил я.

Зевас был весьма опытным соперником. Да даже тот факт, что он разговаривал со мной после того, как отрезал и поджарил мои ноги, многого стоил.

– В любом процессе есть такие вещи, которые лучше не демонстрировать, – Зевас усмехнулся и откусил еще кусочек, жмурясь и показывая мне, как же вкусно и что зря я отказался – хотя мне не предлагали, но да, я бы точно отказался. – Вот круговорот в природе, когда мертвые животные удобряют траву, никто же не акцентирует на том, как гниют трупы, как по ним ползают отвратительные насекомые? Все любят растущую травку, пасущихся животных. Если вдруг нужно шокировать – вспоминают, как хищники пожирают травоядных.

– Демиурги не гниющая падаль, – сказал я.

– Ты прав, – неожиданно согласился Зевас. – И хочу сказать, ты действительно ценен. Но понимаем это только мы – самые лучшие администраторы. Цени меня за то, что я ценю тебя.

Он расхохотался, а потом земля прямо под столом вспучилась и наружу полезло что-то странное, кресло упало и некоторое время я ничего не видел, только чувствовал жар, и еще слышал визг, лязг и крики.

А потом Зевас поставил кресло, и я увидел ряд из семи мертвых людей на земле, и у первого из них на плаще виднелись четыре алых сердца.

– Знаешь их? – спросил Зевас.

Его рот был разбит, и он поминутно сплевывал кровью.

– Они отомстят за меня, – ответил я.

Четверка червей – вроде бы про него что-то говорили. Дерзкий, молодой... Хотя все, кто младше девятки – молодые и дерзкие.

– И тебе, и за тебя, – загадочно произнес Зевас, встал на колени и начал поднимать с земли кусочки мяса и небрежно пихать их в рот, и глотать не жуя.

За ним виднелся высокий каменный замок, перед которым играли в странную игру с двумя мячами трое его детей.

– Честно скажу, есть у тебя места, жрать которые мне будет противно, – сказал Зевас, вставая с колен. – Но надо поторопиться, Юлифь говорит, что луна благословит завтрашний вечер.

9. Феникс

Из окна замка были видны лес, озеро, самый край городской стены, а также кусочек дороги с бесконечными вереницами людей.

Мне рассказывали, что когда-то войны не было, но я этого не помню, я родился уже после ее начала. Когда мне было четыре, Карточные Короли убили Георга – моего старшего брата. Когда было восемь – убили маму Юлифь, но ее оживил отец, и она еще несколько месяцев была безумна, но потом потихоньку отошла.

С самого рождения мне твердили, что я особенный. Кемь, сестра, шептала мне, что я должен прекратить войну. Что я приведу на наши земли мир.

Мне тяжело было видеть, как наше королевство страдает. Нападения теперь случались каждый день, я уже привык, что гонцы приезжают и рассказывают о разоренных деревнях и проигранных боях.

Но сегодня мне должно было исполниться тринадцать, а отец не назначил никакого празднества, а просто вызвал меня к себе.

– Митриус, – сказал он веско. – Я должен раскрыть тебе несколько секретов. Но прежде скажи, любишь ли ты своих мать, сестру, брата и меня?

– Больше всего я люблю мать, – честно признался я. – Кемь и Вильжама тоже люблю, хотя Вильжам обращается со мной как с маленьким. А вас, отец мой, я прежде всего глубоко уважаю, ибо только ваша власть стоит между Карточными Королями и нашими жизнями.

– Это не тот ответ, которого я ждал, но выбора нет – наш мир вот-вот падет, все стены между мирами истончены... – отец склонил голову, и я вдруг понял, что он очень стар. – Митриус, ты живешь не в первый раз. Сейчас я буду говорить, а ты распутывай это.

Он кинул мне алый клубок шерстяной нити, и я начал его распутывать, а он продолжил рассказ.

– То было время, когда наш мир отверг нас, поместив меня в гроб, а твоя мать, взяв твоих братьев, сестру и меня, начала поиск места, где мы могли бы жить. И она нашла мир, созданный одним демиургом, но он не позволил нам остаться, предложив ближайшим утром удалиться. И твоя мать, рискуя моей и своей жизнью, оживила меня, а я выкинул демиурга из его мира.

– Почему вы не убили его? – война ожесточила мое сердце, и я не понимал сложных решений там, где имелись простые.

– Потому что он связан с этим миром. Здесь его сердце. Убив демиурга, я бы ударил по миру. Но демиург вернулся, и вернулся не один. Он привел с собой армию Карточных Королей.

– Мир выживет, – сказал я жестко. – Надо было убить демиурга.

– Я нашел другое решение, – отец смотрел, как я разматывал моток шерсти. – Я пленил демиурга, съел его полностью, сделал его своим семенем, возлежал с твоей матерью, а в положенный срок она понесла и родила тебя.

Я замер.

Клубок упал на пол и покатился, оставляя за собой алый след, а память возвращалась ко мне, и я вспомнил все – и даже отвратительный детский лагерь «Чайка», и манерного менеджера, который пытался свалить меня с должности, и все остальные гадости, хуже которых вряд ли можно что-то придумать. Я понял: нельзя вываливать такое на человека. Но отец не ведал, что творит.

– Ты спасешь нас? – спросил отец.

– Я попробую, – ответил я.

10. Дракон

Мы встретились в скалах. Бубновый Король за эти годы словно стал моложе, теперь на нем была не пошарпанная матерчатая мантия поверх кольчуги, а мантия из нескольких сотен горностаев поверх полного латного доспеха из вороненой стали.

– Милорд, – улыбнулся он. – Отлично выглядите, помолодели.

Я облегченно выдохнул – не придется объяснять, кто я и как так получилось.

– Война окончена, – сказал я. – Вы свободны.

– Я напому правила, – ответил он. – Мы должны уничтожить Юлифь, ее мужа, а также всех его отпрысков. Мы можем остановить это, если они сдадутся вам.

– Они сдались мне.

– Но вы теперь их сын, – Бубновый Король улыбнулся. – Вы не можете сдать себя себе. Это было бы нарушением правил, шулерством.

– И что будет? – спросил я.

– Мы захватим вашу землю, уьем всех вас, уничтожим зеленые холмы. После этого здесь образуется пустота, и все мы снова станем всего лишь колодой карт.

И тут я понял, что он не желает этого.

– Или? – спросил я.

– Или вы найдете другой выход, – Бубновый Король подмигнул мне и улыбнулся.

Я помнил: он немного видел будущее.

Значит, у нас был шанс.

11. Ласточка

Мы сидели на открытой площадке на самом верху самой высокой башни, и отец угощал меня вином. Я пил понемногу, но тело мое принадлежало подростку, и разум быстро туманился.

– Я не могу найти выход, – честно признал отец. – Как сделать так, чтобы ты не был моим сыном?

– Можно ли отмотать время назад?

– Игры со временем опасны, и каждый, кто пытался сделать это, ухудшал свое положение.

Зевас посмотрел на меня и покачал головой. Я кивнул. Это походило на правду – иначе вселенная оказалась бы слишком неуютным местом для жизни.

– Все проще, – сказал я, неожиданно почувствовав решение. – Но вам, отец, это не понравится.

12. Черная вдова

На женской половине замка всегда было прохладно и пахло шербетом, сколько я себя – в этом юном теле – помнил.

– Нет, – Юлифь ответила раньше, чем Зевас успел досказать мысль. – Никакого развода. Ты, сын старой суки и полудохлого великана, не избавишься от меня так просто!

– В чем дело? – я и правда не понимал.

– Отойдем, – Зевас отвел меня в сторону. Кемь смотрела на меня внимательно, видимо, она мне больше не доверяла. Жаль было потерять сестру... – Митриус, дело в том, что брак между богами или же демонами – что по сути одно и то же – устанавливает определенные правила. Это не пустая формальность. Это в определенной степени предназначение. А развод – это, можно сказать, крушение мира. Большая часть богов после смерти супруга не женятся вновь. И нередко всю оставшуюся жизнь кладут на воскрешение супруга.

– Все равно не понимаю, – сказал я. – Почему нельзя на полчаса развестись, жениться на ком-то еще, а потом развестись с этим кем-то и опять жениться на ком надо?

– Мы не простые смертные. За полчаса может случиться что угодно. Опять же, Карточные Короли могут не принять твою трактовку, и тогда мы все умрем, причем Юлифь будет замужем за кем-то другим. Митриус, ищи другой вариант.

13. Олень

Они пробili оборону у океана, опрокинули нашу конницу, смяли гвардию и подошли к стенам города.

Я видел бордовые вымпелы Червового Короля, алые – Бубнового, серые – Трефового и черные – Пикового. Их армия заняла все поле перед рвом, а позади десятки инженеров собирали осадные орудия.

– Мы не выдержим дольше недели, – голос Вильяма срывался. – Отец, надо бежать!

Говорят, Георг был гораздо мужественнее. Но выжил Вильям. И я думаю, он часто ловил на себе взгляды сожалеющих об этом.

Было понятно, что наше время на исходе.

– Отец, где мои вещи? – спросил я неожиданно.

– Какие? – удивился он.

– Вещи моего старого тела.

Они нашлись не сразу. Но в одном из карманов в ветхой коробочке с истертой надписью «Карты игральные сувенирные с лаковым покрытием А-1-54 1 колода 54 карты» я обнаружил три карты. И еще подумал – «Почему три»? А потом вспомнил про пикового валета.

И я поменял план, решив не оживлять пока непредсказуемых Джокеров. Валет был абсолютно спокоен. Это был жгучий брюнет – как и все пиковые – и при этом, в отличие от большинства своих он был не коренастым, но высоким, и глаза у него были не черные, а светло-голубые, почти прозрачные.

– Давно остальных выпустили из коробки? – спросил он.

– Четырнадцать лет назад.

– Один раз я ошибся, всего один раз... – Валет закрыл лицо руками. – Если я скажу вам, что Бубновая Дама сама поманила меня к себе, вы мне поверите?

Юлифь смотрела на него с состраданием. Я понял, что Пиковый Валет нравится матери. То же самое заметил и отец.

– Бубновый Валет? – поинтересовался Зевас.

Я был последним, кто понял суть вопроса. Пиковый Валет покраснел, мать шикнула на отца, но тот настойчиво смотрел на гостя.

– Да, нынешний Бубновый Валет – мой сын, – ответил тот наконец. – И это большая трагедия для всех наших домов.

– Мы отомстим этим скотам, – Зевас оскалился в неприятной ухмылке. – Юлифь, я надеюсь, ты все же согласишься развестись со мной ненадолго ради мести Карточным Владыкам. Раньше мы хотели сделать это всего лишь для спасения своей жизни, но теперь мы можем и отомстить.

– Да, муж мой, – склонила голову Юлифь.

14. Капкан

Отец сам расторгнул брак с матерью, просто трижды сказав «Разведен!». Если честно, в этот момент я вообще не понял смысла городить огород, если он мог сделать это и без ее ведома. Но он явно не считал это чем-то простым, и по тому, как изменилось лицо матери – она стала какой-то слабой, беспомощной – я понял, что развод все же не такая простая штука.

– Согласен ли ты жениться на женщине с именем Юлифь?

Пиковый Валет кивнул. Он делал все, что я ему говорил. На него не распространялся договор, заключенный остальными, и он был всем обязан тому, кто оживил его – а точнее мне.

Не прошло и пяти минут с развода отца и матери, а мать уже была замужем за Пиковым Валетом. Мы вышли из крепости по скрипучему навесному мосту, и позади нас стояли последние десятки гвардейцев, большая часть которых была ранена и истощена предыдущими битвами.

Навстречу нам двинулись все четверо королей. Бубновый вышел вперед:

– Я чувствую, что-то поменялось. Милорд Дмитрий, не объясните, что именно?

– Я предпочитаю имя «Митриус», – ответил я. – И, конечно же, поясню. Юлифь развелась с Зевусом и вышла замуж за Пикового Валета. Теперь, согласно нашему договору, Бубновый Валет является единственным ребенком мужа Юлифи, а значит, кроме них вы должны убить только его. Но Юлифь и Валет участвуют в переговорах, значит, их вы тронуть не можете.

Бубновый Король обернулся назад. Из плотной толпы вышел юноша, с виду не намного моложе Пикового Валета и очень на него похожий.

– Вы не согласитесь принять его в плен? – спросил Бубновый Король.

Я покачал головой. И мне показалось, что в глазах у Бубнового Короля мелькнуло торжество. Я обернулся на Пикового Валета. Он был грустен и величествен. Где-то далеко заорала женщина. Я был уверен, что это – Бубновая Дама, которая наконец поняла суть происходящего.

– Встаньте на колени, сын мой, – сказал Бубновый Король, и Бубновый Валет, который на самом деле не был сыном своего короля, послушно встал. В его глазах не было страха, только обреченность и умиротворение. И тут я понял, что все к этому и шло. Что все они – все Карточные Владыки – выигрывали от этого, кроме разве что Бубновой Дамы.

Бубновый Король медленным, но уверенным движением перерезал горло своему Валету. Я услышал, как позади меня встали на колени Юлифь и Пиковый Валет.

– Примите нашу капитуляцию, – попросил Валет, ровно как был ранее научен.

– Принимаю, – сказал я.

И в этот момент война закончилась.

15. Гидра

– Отец должен уйти.

Они не понимали меня – ни мать, ни брат, ни сестра. Ну, конечно же, для них он был спасителем, война кончилась, пора было наконец жить!

Но проблема в том, что до того, как породить меня, отец меня убил и съел, и простить этого я не мог.

– Ты не передумаешь? – он стоял рядом со мной на крыше самой высокой башни.

– Может быть, позже.

Он ушел на третий день. Но следом за ним ушла и мать, которую я не выгонял, и сестра, и брат. И я остался один, если не считать полутора сотен человек свиты, пары тысяч челяди, нескольких тысяч горожан и трехсот тысяч населения страны.

Зевас отобрал у меня кусок камня в пустоте, а передал живой, дышащий организм. Может быть, он не был демиургом – но он был шикарным администратором.

Я стоял в тронном зале и держал оставленный отцом ободок короны.

И еще я обдумывал его последние слова:

«Сынок, заведи семью. У правильного демиурга обязательно должен быть ближайший круг, личный пантеон, который его всегда прикроет».

16. Лемминги

Я устраивал смотрины и ездил по стране. Балы, танцы, поездки на отдаленные хутора. И если сначала у меня было ощущение, что рано или поздно найдется какая-нибудь Золушка, то в процессе стало абсолютно ясно: не найдется.

Весь этот мир был произведен из меня. Каждый человек, каждая песчинка, каждая молекула воздуха. Даже если они появились уже здесь, за последние пятнадцать лет, все равно источником был я.

Они не могли не подчиняться мне. А мне нужна была настоящая соратница, такая же, как Юлифь для отца. Способная тянуть, когда я буду не в состоянии, умеющая сказать мне «нет» и чувствующая, когда обязательно надо сказать «да».

Ждущая того же самого от меня.

Но в этом мире, в мире зеленых холмов, я не мог рассчитывать найти ее. Окончательно все стало ясно, когда я устроил турнир, и его выиграл рыцарь, объявивший королевой турнира какую-то придворную девчонку.

Увидев их рядом, я сказал что-то вроде «Вы отличная пара!», и они тут же обвенчались в ближайшей церквушке, хотя у него была невеста, а у нее – жених.

Этот мир был словно моей фантазией. И неповиновение я мог получить, только заранее загадав его.

Это не принижало мир в моих глазах, но делало совершенно невозможным поиск своей суженой. И однажды я посадил в кресло правителя вместо себя одного местного герцога, и отправился в другое место.

17. Змея кусает свой хвост

Если вы вдруг девушка или женщина от тринадцати лет до бесконечности. Если вы родились на планете Земля и проживаете до сих пор на ней. Если у вас большое сердце, и вы чувствуете, что возможно сможете принести вселенной нечто большее, чем то, что делаете сейчас – то, может быть, я ищу вас.

Не уходите никуда из этого мира, не проваливайтесь в другие измерения, осторожнее с подозрительными дверями, норами и шкафами! Пожалуйста, дождитесь меня.

Не сомневайтесь, я уже ищу вас.

Я выгляжу как пятнадцатилетний подросток, отзываюсь на имя «Дмитрий», и в кармане у меня ветхая коробочка с колодой из 53 карт.

Если вы увидите меня, обязательно подойдите. И я обещаю вам вечную любовь. И немножечко проблем. Ну, или вечные проблемы и немножечко любви.

Тут уж как пойдет.

Закат ледяных королей

Солнце едва выглянуло из-за гор, когда на промерзший склон взошел высокий седой старик в отполированном после десятков сражений доспехе, с двуручным мечом на плече. Он казался глыбой, высеченной из льда и неожиданно шагнувшей со своего постамент.

Над ним словно зависла в воздухе такая же седая сова. Птица летела медленно, словно вот-вот упадет. Изредка она делала круг над головой старика, иногда опускалась и осторожно садилась на плоское лезвие меча, зябко переступая лапами несколько мгновений, чтобы потом снова взлететь.

Старик поднялся по склону до небольшой площадки, снял двуручник с плеча и упер острием в камень, обхватив рукоять закованными в металлические перчатки ладонями. Сова тут же села на гарду, явно не собираясь улетать. В первых солнечных лучах отразился амулет, висящий на груди птицы.

Следом на склон начали выходить воины – мрачные, закованные в железо. Они выстраивались ниже площадки, постепенно закрывая бреши в строю.

На соседний склон из темного ущелья, в котором словно по волшебству крутилась метель, хотя вокруг все казалось спокойным, вышла красивая женщина средних лет с пронзительным, как зимняя стужа, взглядом слегка раскосых глаз.

В руке она держала легкую шипастую дубинку, а метель окружала ее, то уменьшаясь до поземки, то завывая вьюгой, закручивала верх роскошные черные волосы, чтобы тут же отпустить их.

За спиной женщины осторожно вышагивали по бахроме снега волки – один, второй, третий. Она поднялась по незаметным издали ступеням, вырубленным в скале, и встала напротив старика. Вслед за волками из ущелья один за другим выходили снежные барсы, белые медведи. Звериная армия прибывала, увлекаемая королевой, словно снежный океан луною – океан безмолвный и тихий.

В тот момент, когда солнце наконец поднялось, со стороны вершины появился странный молодой человек в шутовском колпаке. Опираясь на посох, оголовье которого напоминало черное кожаное солнце с лучами вороненой стали, он то и дело проваливался сквозь наст то одной, то другой ногой. Встав так, чтобы свет бил сквозь дырку в кожаном навершии прямо в глаза седому старику, «шут» достал из ножен короткий кривой меч.

Это словно послужило сигналом – со всех сторон из-под снега начали появляться воины. Были они не менее странными, нежели их военачальник, – полуголые, в лоскутках, но с обнаженными мечами в руках.

Слепящее солнце мешало разглядеть их, но довольно быстро все поняли, что это – зомби.

Троица молча рассматривала друг друга, их армии медленно пополнялись новыми бойцами, пока не стало ясно, что большего количества склоны гор не вместят.

– Папа, ну скажи что-нибудь, ты же самый умный! – заорал Шут. Горы отразили слова зловещим эхом.

– Не здесь, – Старик сказал это тихо, но его слова услышали все.

Трое предводителей прошли сквозь ряды своих сторонников и встретились внизу, в ущелье у выхода в долину, маленький кусочек которой открывался только отсюда.

– Я бы не стал вас звать, если бы не был уверен, что один не справлюсь. – Каждое слово старика казалось тяжелым и почти вещественным. – Армия, идущая с юга, сомнет мои полки и войдет на плато. Чем это грозит для вас, думаю, объяснять не стоит.

– Ты думаешь, три наши армии сделают больше? – поинтересовалась женщина. Спрашивала она серьезно, но в уголках глаз морщинками злого смеха притаилась издевка.

– Нет, – Старик поочередно взглянул в глаза женщине и Шуту. – Поодиночке мы не сможем их остановить. Нам надо вновь стать семьей.

Шут захохотал, судорожно ударяя мечом плашмя по широким кожаным штанам.

– Папа, не веришь, я ждал этих слов восемьсот лет!

* * *

– А еще говорят, у них золота больше, чем железа, – произнес Кайт, проверяя лезвие меча.

– Ты думаешь, мы идем туда за этим? – Эссия потрясенно посмотрела на брата. Они задерживались – основная часть войска вышла два дня назад, но с хорошими лошадьми догнать Эрила проблемы не составит.

– Нет, конечно. Это святая война, и мы просто обязаны победить! Юг придет на Север, и там начнется рассвет. – Молодой рыцарь подмигнул сестре. – Кстати, ты слышала новую боевую песню? По слухам, ее написал старый Анто Санос. Пафосу многовато. Но, думаю, в бою будет самое то.

* * *

Три лагеря, разбитые у отрогов гор, сверху казались странным трилистником – несимметричным и жутким. Самый большой лепесток – сорок тысяч закованной в латы армии старика.

Лепесток поменьше – войско Шута. Гротескная, словно вышедшая из кошмарного сна орда из двадцати тысяч поднявшихся мертвецов.

И самый маленький лепесток – армия женщины – несколько тысяч хищников.

Старик, женщина и молодой мужчина в шутовском колпаке стояли в центре «цветка», чуть поодаль ото всех, наблюдая за тем, как в рыцарском «лепестке» сколачивают из дерева странные конструкции.

– И что это будет, папа?

Старого рыцаря слегка передернуло от такого обращения, но никто кроме женщины и Шута этого не заметил.

– Ваше величество, все готово. – К старику подошел коренастый мужчина в богатом доспехе. – Прикажете начинать посвящение?

– Я сам проведу, – бесцветным голосом ответил король. Сова, сидящая на его плече, довольно ухнула.

Правитель отошел на несколько шагов, и тут же к нему бросились царедворцы – все они были в железе и с оружием, но что-то неуловимо выдавало в них придворных.

– Шакалье, – прокомментировал Шут. – Живые не знают преданности.

– Лучшие люди страны, – поправила его женщина. – Король Льда видит будущее и не прощает предательства, каждый около него – верный слуга.

Тем временем к королю подвое подходили воины – совсем еще мальчишки, самому старшему не больше семнадцати лет. Владыка беседовал с каждым – говорил хотя бы пару слов, хлопал по плечу или шутливо ударял в живот.

– И что здесь намечается? – не успокаивался Шут.

– Если есть пленные, то кровавая бойня, если их нет – то маленький турнир, – спокойно объяснила женщина и зевнула, изящно прикрыв рот тыльной стороной ладони.

В строе рыцарей открылся проход, и по нему, сопровождаемые грубыми солдатскими шутками и смехом, пошли вереницей пленные. Один из них не выдержал оскорблений и, гордо выпрямившись, несмотря на тяжелые кандалы, заявил с жутким акцентом одному из рыцарей:

– Нэт, это йа тэби туда, пока ти нэ здохнежь!

Рыцари грохнули смехом, лязгнул строй – и с полдюжины человек даже отсалютовали мечами смелому пленнику, единственному из нескольких десятков посмевавшему ответить хулителям.

– Этого первым, – с улыбкой произнес король. – Ну что, смельчак, выбирай – на крест или с мечом в руках против моих мальчишек?

– Дай мэч.

– Выбери себе напарника, драться будете двое надвое.

– Энтото, плэшивого, он харашо двыгаеца.

Двое пленных выбрали себе оружие и вошли в вытоптанный в снегу круг. Следом за ними двинулись двое мальчишек – с мечами в руках и в тонких льняных повязках на чреслах.

Поединок не был ни красивым, ни долгим. Юноши владели мечами намного лучше противников, кроме того, они учились делать это в паре. Через три секунды после того, как король взмахнул рукой, смерть дважды коснулась площадки кончиками пальцев.

– Следующие! – Король спокойно смотрел на то, как в круг входят новые пленники, затем как их вытаскивают за ноги, и снова, и снова.

– Нэ будэ дратсы, – заявил очередной пленник.

– На крест, – спокойно ответил старик, и того быстро прибили к простой конструкции, которую тут же, под аккомпанемент диких криков бедолаги воткнули в широкий деревянный помост.

Остальные пленники уже не отказывались брать в руки оружие. Когда все юноши прошли через испытание, осталось еще восемь несчастных.

– Пусть выбирают любое оружие, – спокойно сказал старик. – Я выйду сам.

– Красивый ход, – прокомментировал Шут. – Если не знать того, что папочка видит будущее на пару ходов вперед.

Король не стал разоблачаться. Он ступил на поле в полном доспехе, лениво взмахнул мечом вокруг себя, подождал, пока пленники распределятся по площадке, а затем начал двигаться.

Это была настоящая мясорубка. Король не боялся принять скользкие удары на доспех, проходя сквозь противников. Некоторых он рубил мечом, других выкидывал мощными пинками, третьих резал на обратном ходу бритвенно острой гардой.

Он был быстр. Силен. Ловок. Шут ошибся: пользоваться предвидением в такой свалке невозможно, король просто был лучшим, несмотря на свой возраст и статус.

И когда он вышел из круга, оставляя за собой мертвые тела, изломанными куклами засеявшие площадку, Шут захлопал в ладоши.

– Уаааа!!! – заорал строй рыцарей.

– Бойня, – тихо произнесла женщина. – Он устраивает это представление примерно раз в тридцать лет, чтобы все помнили. Грязно, но действительно.

– И очень красиво, – кивнул Шут, будто бы опровергая ее слова.

Но было четкое ощущение, что они согласились друг с другом.

– Папа, скажи, только правду: мама совокупляется с животными?

Шут явно ждал удара – он стоял так, чтобы старику было удобнее нанести его. Но король не доставил подобной радости сыну:

– Это такая же правда, как и то, что ты совокупляешься со своими мертвецами.

– Они просто преданы мне, – начал оправдываться Шут, но тут же понял, что отец его подловил. – Ты ведь не думаешь ничего подобного?

– Нет.

Живое сооружение напоминало громадное меховое кресло. Внизу лежали белые медведи, выше – снежные барсы и волки. Все они высовывали наружу морды и тяжело дышали,

но с места не двигались, потому что на них раскинулась она – Королева Льда. Вокруг импровизированного трона на сотни шагов сидели, стояли, лежали звери. Десятки. Сотни. Тысячи.

И единственные люди, допущенные до церемонии, – Король Льда и Шут Льда. Муж и сын.

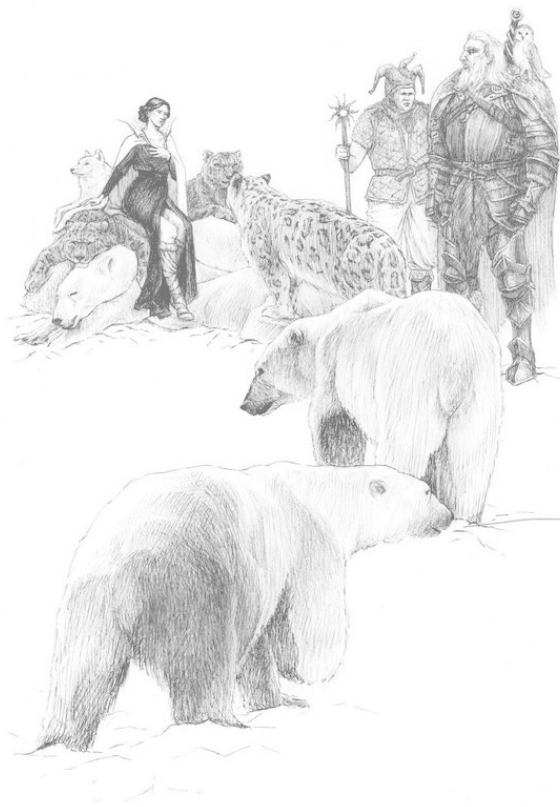
Королева была одета в снежную мантию, от которой веяло морозом и вьюгой. По одному к ней поднимались вожаки стай, и, посмотрев в глаза каждому, женщина обнажала левую или правую грудь, наклонялась вперед, а очередной вожак стаи снизу, как щенок, встав на задние лапы, присасывался к ней на несколько мгновений.

– Папа, ты раньше видел подобное?

– Нет.

– А ты немногословен, отец. Последний раз, когда я слышал от тебя больше одной фразы, ты объяснял мне, что если я еще хоть единожды подниму мертвеца, то окажусь в ледовой яме на всю оставшуюся жизнь. Хоть сейчас скажи: ты ведь шутил?

– Нет.



– Ну вот, смотри – я поднял их. Хуже того, за восемьсот лет в общей сложности я поднял мертвецов в сотни раз больше! Среди них были люди, животные, магические твари. Дети, старики, женщины. Что изменилось? Почему ты не сажаешь меня в тюрьму?

– Я изменился.

Старик посмотрел на сына, мрачно, и в то же время с некоторой хитринкой, прищутив глаз. Сова потопталась на гарде и неуверенно ухнула.

Королева в меховом кресле кормила грудью громадного белого медведя. Тот закатывал от восторга глаза и пытался деть куда-то свои лапы – видно было, как хочет он обнять свою королеву, но не решается перейти дозволенные рамки.

– Сын, – старик спрашивал с неподдельным интересом, – почему ты не сбежал к людям? В пустоши, к охотникам или даже на юг, к этому отребью?

– Знаешь, папа, когда тебя предают родители, людям перестаешь верить. Вообще. А мертвецы точно не предадут. Никогда.

– Понимаю.

И они стояли еще долго, пока десятки хищников поднимались по живому постаменту к Королеве Льда, чтобы получить свою каплю молока.

– А мама красивая, правда, папа?

– Правда.

Они стояли рядом – статные, сильные мужчины.

Они смотрели на нее.

Они гордились ею.

И любили ее.

– Я думал, с ним будет сложнее. – Король Льда задумчиво смотрел на то, как сын суетится у криво сколоченного помоста, втолковывая что-то живым мертвецам, одетым в ветхие, рваные платья, бывшие некогда роскошными, судя по остаткам золотого шитья.

– Да, он не похож на того опустившегося безумца, каким ты его пытался выставить, – сухо улыбнулась Королева Льда.

Старик нахмурился, а потом вдруг расхохотался, вспугнув сову с гарды. Смех его был хриплым, гортанным, почти болезненным.

– И смеяться ты тоже никогда не умел, – добавила королева.

Шут уже шел к ним – странной, подпрыгивающей походкой. Он снял алую повязку, и теперь были видны крупные, мясистые черты лица. С отцом его роднили только ледяные глаза, а рядом с матерью он казался просто уродцем.

И все же, когда он шел вот так, широко улыбаясь, было в нем что-то щенячье, неуклюже-симпатичное.

– Уважаемые гости, спешу представить вам, – хорошо поставленным голосом вещал он. – Единственный раз, абсолютная премьера, наша труппа сыграет для вас «Сиреневый цвет любви» уважаемого Анто Саноса!

– Ужасные манеры, – холодно отозвалась Королева Льда. – Не могу поверить, что ты вышел из моего лона.

На мгновение лицо Шута стало по-детски растерянным, а потом превратилось в каменную маску.

– Начинаем, – крикнул он, взмахивая рукой. Сцена была у него за спиной, но он решил не оборачиваться, следя за реакцией родителей.

– Ужасные манеры, – подтвердил Король Льда, и Шут растянул губы в издевательской ухмылке.

А между тем спектакль начался. Фигуры на сцене безмолвно кружились друг вокруг друга, кланялись, приседали, дрались, вставали на колени.

Поначалу было совершенно неясно, что происходит, но в конце первого действия Король Льда вдруг поймал себя на том, что прекрасно понимает все происходящее – четкие, отточенные жесты мертвых фигур полностью заменяли слова.

Король двинулся вперед, прошел еще несколько шагов, затем отступил на шаг назад, найдя лучший вид. Королева шла за ним, еще не понимая, что происходит, но в середине второго акта она вдруг охнула – войдя в действие, почувствовав его ход.

Сюжет развивался стремительно – недавние друзья по навету злодея втаптывали друг друга в грязь, стараясь сохранить видимость дружбы для окружающих. Героиня готовила

любовный напиток, чтобы соблазнить короля, но не отказывалась принимать знаки внимания и от остальных.

И когда в третьем акте злодей, уничтожив друзей, случайно убил героиню, а потом воскресил ее, чтобы жить с ней, хотя бы и не живой, стало понятно, почему Шут поставил именно этот спектакль.

Ощущение от того, как только что живой человек вдруг становится куклой, наложилось на забытый на время спектакля факт, что все актеры изначально мертвы.

– Гениально, – признал Король Льда. – Сколько ты готовил это представление?

– Восемь лет, – ответил Шут, никак не выдавая того, что польщен. – Вначале я играл роль главного злодея сам, но тогда стиралось удовольствие от общего впечатления. И я купил у родственников труп Мако Ретоса, гениального трагика, очень вовремя погибшего.

– Ты общаешься с южанами? – поморщился отец.

– Семьсот лет назад злой король нашей снежной страны приказал людям сжигать своих мертвецов. Что мне было делать? Я люблю человеческое общество, хотя бы и не шибко живое. Пришлось прогуляться на юг, завести знакомства. Время от времени жил там, лет по пять-по десять, пока не сталкивался с очередным предательством.

– Ты мой сын, – словно признала Королева Льда. – Ты умеешь создавать настоящее, истинное. Но я никогда не признаю методов и средств, которыми ты этого добиваешься.

Шут поклонился.

Его рот растягивался в улыбку, которую он не хотел гасить, но и не мог показать. Это была радость – настоящая, живая, – но родители могли принять ее за слабость.

* * *

...Мы грянем завтра в бой, – под золото знамен.

Эссия чуть натянула поводья, лошадь тронулась шагом. Всадники шли слаженно и четко. След в след. За рядом ряд. Впереди двигались метательные орудия, увлекаемые волами по мерзлой, замершей в предчувствии страшного боя земле. Позади шагали арбалетчики.

Но сердцем армии была конница.

Сквозь прорези шлема виднелась распростертая снежным саваном долина. Это проклятая земля. Она не цветет, не плодоносит. Птицы не выводят птенцов в высоких колосьях, и реки замерзают на ее границах. Здесь вечный холод, царство трех ледяных умертвий.

Эссия оглядела сомкнутые ряды воинов. Лживое солнце равнодушно касалось сияющих доспехов. Копья, устремленные ввысь, словно молодая поросль тополей, шлемы, украшенные птичьими перьями, щиты с гербами, укрытые сталью крупы коней и до времени вложенные в ножны мечи. Армия. Легион. Войско, идущее сражаться за жизнь, за землю, за тепло и свет. Каждый из этих рыцарей оставил семью, дом с очагом, цветущий сад, ради того чтобы изгнать с гор исчадий стужи, несущих смерть и вечную мерзлоту.

Когда-то, много веков назад, здесь было зелено и привольно. Цвел донник и благоухала арника. Птицы кружились в брачных танцах, с гор ниспадала река, приносящая в долину жизнь.

Но однажды пришел ледяной король. Он привел сюда свою бесстрастную Герду с телом мраморной статуи и душой ехидны. Вместе они зачали мерзкого сына. От двух нелюдей не может появиться человек. У них родился некромант.

Эссия до боли сжала руки в стальных перчатках. Дед рассказывал – ему довелось увидеть Дагду-шута вблизи. Некромант поднимал мертвых из могил, заставляя их выполнять приказания. Это существо не только не достойно называться человеком, оно не может быть и зверем.

Ибо звери всегда отличают живое от мертвечины. А еще они способны любить и оставлять потомство.

Девушка повернула голову влево, где у горизонта темной полосой тянулся голый лес. Да, звери способны любить. Говорят, они просто обожают свою королеву, звериную матку, живущую с волками и медведями.

* * *

Вечером ужинали вместе. Угощал Король Льда.

– По хорошим поварам я скучала больше всего, – призналась королева.

– А мне больше нравится южная кухня. – Шут брезгливо откинул в сторону нож и вилку. – Во-первых, там никто не выпендривается, если что – могут есть и руками. А во-вторых, у них есть настоящая морская рыба, а не эта ваша гадость!

– Кушай сынок, кушай, можешь не благодарить, – великодушно разрешил король.

Внезапно он замер. Сова, только что сидевшая на осевой балке шатра, рухнула вниз, с отчетливым стуком приложившись об пол.

– Мама, что с папой? – Шуту нравилось называть так короля и королеву, он каждый раз словно катал во рту эти слова.

– Тихо! – Королева подняла вверх ладонь. – Проследи, чтобы никто не вошел.

– Ничего страшного... – проскрипел король. – Ненавижу предсказывать ближайшее будущее. И совы от такого мрут через раз... Герда, у тебя есть птицы?

– Есть. – Королева посмотрела на мужа, и Шут с удивлением увидел в ее глазах что-то похожее на сочувствие, а той нежность. – Но очень мало, у птиц короткая память, и они требуют постоянного внимания.

– Еще до полуночи на меня будет совершено покушение. – Король Льда встал, прошел к сове – птица в его руках ожила и жалобно ухнула.

– Кто, что предпримет, какими средствами? – поинтересовался Шут, не дождавшись от отца продолжения.

– Лучник, первой стрелой подожжет шатер, второй снимет меня, выбегающего оттуда. Вот только я не понимаю, как он сможет это сделать со склона горы, до которой почти восемьсот шагов?

– Арбалет, папа. – Шут грустно улыбнулся. – Пока вы тут совершенствовались в нанесении рубящих ударов меча, южане изобрели множество интересных вещей. Например, тяжелый сборный арбалет, с помощью которого можно прицельно стрелять на восемьсот шагов.

– Хорошо. Птица должна выследить убийцу, затем отряд моих охотников поймает его.

– Можно обойтись без охотников, папа, предоставь это мне. – Шут с мольбой посмотрел на отца.

Король Льда задумался на мгновение, затем расхохотался:

– Конечно, сынок. Это и твоя охота.

* * *

– Эссия! Что приуныла?

Веселый голос рыцаря, едущего справа на резвом белом жеребце, оторвал девушку от раздумий.

– Невесело, Кайт. Мы идем умирать...

– Бросьте, леди! Что это вдруг взбрело в вашу светлую голову? – искренне удивился юноша. – У нас славное войско. Каждый воин – храбрец, и ему есть за что драться. Нас больше. Да и не это главное! Наши катапульты лучшие на Юге, арбалеты бьют без промаха. Северяне

не могут похвастаться чем-то пострашнее меча! А ты слышала, как они разговаривают? Этот дурацкий акцент! Уверяю вас, мы надерем им зад... простите, леди.

Кайт замолчал на мгновение, затем продолжил:

– Эссия, у них нет ни единого шанса.

– Все это так, брат. Но я чувствую другое, – вздохнула девушка, наклонив голову. – Драконий амулет жжет мне грудь...

– Это знак беды, – озабоченно произнес юноша. – Но почему? Что может произойти? Разве у нас не лучший на свете полководец? Ты ведь тоже так считаешь... – прибавил он, словно подначивая.

– Эрил умен, он хороший стратег, – согласилась Эссия, будто не замечая иронии. – Но есть вещи, неподвластные ему.

– Да неужто? Твое сердце он уже завоевал, – захохотал юноша, чуть откинувшись в седле. Сестра замахнулась на него свободной рукой.

– Эрил побеждает живых, но бессилен против мертвых. К тому же...

– Что?

– Да нет. Ничего.

Конница шла вперед, не ведая сомнений Эссии. Чей-то молодой, сильный голос грянул песню, и многотысячная армия дружно подхватила:

...Воспрянет жаркий Юг, растает царство льда!

* * *

Птицей была пустельга. Она легко вычислила убийцу и с благодарностью приняла у Королевы Льда живую мышку в качестве награды.

После этого в дело вступили мертвецы Шута. Четверо невысоких худощавых мужчин, обнаженных и совершенно не тронутых гнилью, вышли по его жесту вперед из мрачного строя.

– Ваша цель – поймать человека, – тихо и внятно начал их полководец. – Убивать нельзя, ранить можно, но не сильно.

После чего махнул рукой, и четверка без единого шороха скрылась.

– Хорошо сохранились, – удивленно сказал Король Льда.

– Им больше четырех тысяч лет каждому, – усмехнулся Шут. – И они жили в твоём королевстве задолго до тебя. Я нашел их в Растейной Топи, сто сорок молодых мужчин, умерших с разницей в год. Думаю, их приносили в жертву. Они не гниют, болотная вода сделала что-то с их телами.

– И откуда тебе известно, когда именно они умерли? – усмехнулась Королева Льда.

– Часть моего таланта. Всегда знаю, сколько минут прошло с того мгновения, когда анима отделилась от тела.

– Я вспомнил, – Король Льда вдруг пораженно взглянул на сына. – Палач в королевском замке. Немой мужчина, лет двадцати. Старший палач на него не нахвалится – исполнительный, неглупый и абсолютно не брезгливый.

– Теперь ты понимаешь, папа, почему я предпочитаю иметь дело с мертвыми? Не беспокойся, он там был с единственной целью – освободить меня, если ты найдешь способ заточить собственного сына в застенки. Вернувшись в замок, ты его там уже не заставишь.

Со стороны гор раздался короткий крик.

– Они убили его? – поинтересовался старик. – Так ли исполнительны твои мертвецы?

– Не угадал. Соль в том, что некоторые живые пугаются, когда из-под наста появляются голые люди и чего-то от них хотят.

И действительно, очень скоро четверка появилась, и один из них нес на спине закутанного в меховой тулуп человека, другой тащил большое сложное орудие, у третьего в руках были несколько мешков с вещами убийцы.

– Арбалет, – пояснил Шут, показывая на устройство. – Могу продемонстрировать принцип действия.

– Не надо, – брезгливо поморщился Король Льда. – И так понятно.

– Ну что ж, дорогие мои мужчины, если сказать вам больше нечего, то я иду спать. – Королева Льда с сожалением улыбнулась – видимо, она ждала чего-то большего, но не получила желаемого.

После того как она скрылась, Шут тихо произнес:

– Она скоро вернется и придет к тебе.

– Что ты сказал? – настороженно взглянул на него отец. – Зачем ей возвращаться?

– Все эти века я жил в горах... – Шут умолк, показывая, что история будет долгой. Ожидаемого протеста не последовало, и, удовлетворенно улыбнувшись, он продолжил: – Там много драгоценных камней, золота, металлов. Я торговал с югом, мне нужны были мертвецы для экспериментов и работы, для поддержания пещеры, вывода ручьев. Зомби – отличные шахтеры. Вначале я просто гнал на юг золото и драгоценные камни, затем решил, что могу попробовать наладить ювелирное производство. У мертвых есть вкус, они чувствуют эстетику камня, но, к сожалению, ценителей их работы очень мало. Мне не удалось выйти с этим товаром на рынок, но на память осталось несколько действительно красивых вещей. И одно ожерелье, золото с сапфирами, я сейчас послал матери. На нем стоит твой герб – ты уж извини, я всегда считал его немножко своим и не стеснялся пользоваться.

– И ты уверен, что она придет? – холодно поинтересовался старик.

– Совершенно. Вы как два подростка, ходите кругами, пытаетесь уколоть друг друга побольнее, и ждете при этом, что второй поймет, что именно вы имеете при этом в виду, – а вы ведь оба готовы на многое, чтобы быть вместе. На многое – но только не сказать это прямо. Я сказал за тебя. Мать скоро придет.

– Если она не придет, я тебя выпорю, – чуть ли не одними губами произнес Король Льда. – За оскорбления, каких не сносил ни от кого.

– А если придет? – поинтересовался Шут.

– Тогда я признаю тебя законным наследником, и ты вместе со своими питомцами – во всяком случае, самыми пристойными – вернешься во дворец.

– Уже уйду. – Сын взмахнул рукой, четверо мертвецов подняли убийцу, все еще находящегося без сознания, его вещи и пошли за своим повелителем.

А из ночной тьмы появилась она.

– Герда... – прошептал король.

– Оберон... – ответила королева. – Ожерелье странное, но в нем есть что-то. Оно настоящее. Спасибо.

Они стояли друг напротив друга. Ветер кружил тонкое крошево снега, вдали завыл волк, затем второй, третий, и вот уже дикий оркестр вошел в полную силу.

– Завтра будет много смертей. – Королева подошла к мужу и прижалась к нему низом живота, упираясь руками в плечи. – Мы почти семьдесят лет не были вместе.

– Да и тогда – сколько? Полтора года?

– Пятьсот двадцать шесть дней. – Королева провела рукой по щеке мужа. – Ты лучший, но быть рядом с тобой сложно.

– Да, мы оба не подарки, – вздохнул король и поцеловал глядящую его лицо ладонь.

– В шатер, – одними губами прошептала королева.

– Он талантлив и работает над собой. – Королева откинулась на подушки, позволяя рукам мужа гулять по ее телу. Первый голод был утолен, второй требовал большего – не просто слияния, но беседы, совпадения. – Но ему не хватает утонченности. И эти зомби... Мертвые должны лежать в могилах. Прах к праху.

Король убрал руки и поменял положение, ложась головой на бедро любимой женщины.

– Это он послал тебе ожерелье от моего имени. Подожди, я скажу еще несколько слов. Он почувствовал, что я хочу сделать, и понял, как ты на это ответишь. Он умнее, по крайней мере в том, что касается тебя.

– Ты лжешь ради того, чтобы я приняла его и семья объединилась? – растерянно спросила королева.

– Я честен. Да, могу солгать кому-то другому, но не тебе. Теперь ты можешь вновь оставить меня, но знай – я этого не хочу и готов попробовать измениться ради нас.

– Ты обманываешь, но не меня, а себя. – Королева провела рукой по седой голове. – Мне не нравится идея оставлять тебя, чтобы потом ждать еще семьдесят лет. Наш сын стал взрослым, он диковат и водится с мертвецами и южанами – это плохо, но с этим можно смириться. И-я благодарна ему за нас.

– Значит, все будет хорошо.

Оберон перевернулся на живот и, плотоядно улыбнувшись, посмотрел в глаза своей королеве.

В этот момент никто бы не назвал его стариком.

Ночь еще не закончилась.

Едва выйдя из шатра, Король Льда пошатнулся, но сразу же выправился.

– Что-то случилось? – заботливо спросила Королева Льда.

– Да... Расскажу позже. Ты помнишь, как бывает после того, как мы сходимся?

Королева рассмеялась:

– Конечно! Я и сейчас чувствую это. Сильный подъем, ощущение, что можешь все. И сейчас даже острее, чем раньше. У тебя было предвидение? Заглянул далеко?

– Очень. Лет на сто, но расскажу тебе об этом потом. – Король Льда обнял свою королеву. – Мы можем больше, чем обычно, потому что приняли обратно Дагду, нашего сына. Надо готовиться к битве. Я знаю, что встретиться с противником нам лучше южнее, и их больше, чем нас, раз в сорок. Понадобятся все силы.

Дагда мял в руках кусок хлеба, мрачно взирая на отца. Король сдвинул фигурку латника на карте.

– Здесь буду я. Мои люди примут первый удар, ваша задача – фланги и запугивание. Если арьергард противника побежит, у нас есть шанс.

Шут щелчком послал мякиш по карте.

– Все это чушь. Мы сейчас сильны, как никогда. Твои латники будут месить их центр, я подниму свежих зомби прямо во время боя. Мертвецы будут порождать мертвецов, и рано или поздно умрут все враги.

– Ты когда-нибудь делал так? – поинтересовалась королева.

– Нет. – Шут по-мальчишески широко улыбнулся. Гримаска получилась диковатая, и неподготовленный человек мог бы испугаться. – Обычно приходится тратить минут десять на каждого, а лучше хотя бы полчаса. Но сейчас я уверен в себе.

– Если в их отряде есть животные, я могу взбесить их. Кони, волы в обозе. – Королева отодвинула фигурку волка от центра сражения. – Я не хочу кидать своих подопечных в мясорубку.

– Времени на споры нет. – Оберон мрачно посмотрел на жену, затем на сына. – В бою действуйте на свое усмотрение, но помните: смерть любого из нас приведет к гибели всех. То есть выжить, может быть, получится, а вот жить как раньше – нет.

– Уж сказал так сказал, – одобрительно произнес Дагда. – Научишь потом меня так же раздувать щеки?

* * *

...Пусть будет враг разбит и – предан – прах земле.

– Легион! Поднять знамена! Барабаны! Громче!

Молодой военачальник южан был прекрасен и грозен, как бог. Можно ли сомневаться в исходе сражения, глядя на этого льва, обещающего победу и только победу?

– Приготовиться!

Механики бросились заряжать катапульты и наводить баллисты.

Вражеское войско казалось насмешкой. Закованные в допотопные, неудобные доспехи латники, а левее – стая волков.

– Эссия, да они похожи на пугал! Взгляни! И это воины?

Кайт расхохотался так заразительно, что скоро его смех подхватила вся конница.

– Не смейтесь! – вскричала девушка. – Все не так просто!

– Железные призраки и звериные генералы, – не унимался юноша, едва не вываливаясь из седла от смеха, – стоило ли собирать против них такую армию? Хватило бы сотни смельчаков, верно, парни?

Воины загоготали, поддерживая Кайта.

– Помогите нам, боги, – шептала Эссия, в тревожном ожидании глядя на вражеские ряды.

* * *

Все было спланировано заранее. Противник должен был напасть на авангард рыцарского войска и намертво встать.

В это время с флангов из-под тонкого наста должны были вынырнуть мертвецы Дагды, сея смерть и разрушение, а сам Шут поднимал бы вновь умерших, посылая их одного за другим в бой.

Королева Льда в это время постаралась бы посеять панику среди конницы противника, не пытаясь подчинить животных, а просто вводя их в состояние бешенства.

Но сначала все пошло не так. Противник встал напротив войска Короля Льда и вместо того, чтобы честно перейти в рукопашную, обстрелял рыцарей из баллист и катапульт.

Каменные глыбы и длинные, окованные железом копья создавали настоящие просеки в рядах латников, и Оберон пустил войско в атаку – безнадёжную и бессмысленную.

Из-под снега, разбуженные бегущими рыцарями, поднимались зомби и медленно ковыляли в сторону противника.

Только Королева Льда вступила в бой вовремя, хотя и ее силы были не бесконечны – несколько десятков быков, до недавнего времени тащившие боевую технику, теперь ломали ее, не чувствуя боли.

Король Льда шел впереди. За авангардом растянулись основные силы, которые при лучшем раскладе могли вообще не вступить в схватку, а теперь теряли десятки бойцов от камней и копий, перелетавших через первые ряды.

Рыцари вломились в силы противника, как клеймо в бок быка, – первые шаги легко, а потом уперлись в отчаянно сопротивляющуюся массу, которая куда хуже владела оружием, зато имела многократное численное преимущество.

Наконец в бой вступили мертвые. Они легко переносили потерю руки или колотые раны, но отсутствие доспехов позволяло просто разрубить их на части.

Дагда стоял на холме неподалеку, поднимая трупы вокруг отца, благо, тот крутил мечом не хуже, чем мельница крыльями.

Короли Льда проигрывали. Проигрывали явно, задыхаясь от того, что на одного их бойца приходились десятки солдат южан.

И тогда Королева Льда сделала то, чего не ожидала от себя сама. Она потянулась к зверю, который сидит в людях, и целые ряды противника обезумели.

Они приходили в ярость так же, как и быки, но если те были безмозглыми, то эти животные имели голову на плечах и оружие в ладонях.

Потом королева изменила тактику. И теперь один за другим военачальники противника кидались с мечом на своих телохранителей и окружение, то тут, то там вспыхивали жаркие схватки, когда люди пытались защитить предводителей от себя самих, и в этих схватках победителей не было.

* * *

В единый миг все изменилось. В единый миг мужчины, только что весело и яростно сражавшиеся с врагом, направили оружие друг против друга. Скрежет доспехов, звон мечей, только что поднимавшие боевой дух, стали вселять ужас. В передних рядах началась паника.

Стонала земля, рыдали небеса. Необъяснимое, нечеловеческое вселилось в людей, превратив их тела в орудия безумия.

– Что происходит? – закричала Эссия, видя, как сошедший с ума молодой князь напал на Ралина, своего генерала. – Эрил!

Она попыталась направить лошадь сквозь строй наступающих, невозмутимых, почти не уязвимых и оттого особенно страшных, мертвецов. Но лошадь вдруг встала на дыбы.

– Кэнди! Что ты, Кэнди?

Эссия попыталась справиться с кобылой, уговорить, успокоить, как обычно делала, но на этот раз животное точно не слышало ее. Оно металось, взбрыкивало, норовя сбросить хозяйку. Она с трудом удерживалась в седле. А вокруг кружился вихрь из окровавленных тел, металла, ревущих животных, переломанных орудий, растоптанных повозок.

– Боги, о боги! Помогите! – закричала девушка. В ту же минуту измученная безумием лошадь взбрыкнула особенно сильно, швырнув Эссию прямо в гущу дерущихся. Кто-то отбросил ее сильным толчком, и она приложилась о землю.

– Вставай, вставай, сестра!

Рядом оказался Кайт.

– Эта битва проиграна, беги!

– Нет... а ты?

– Беги же!

Эссия с трудом поднялась, едва держась на ногах.

Кайт размахивал мечом, из всех сил отбиваясь от нападающих на него зомби. Он крошил их одного за другим, но армия мертвых все пополнялась.

– Беги сестра! Собери новое войско. Вы вернетесь. Через месяц. Через год. Беги же, дракон тебя задери! – заорал Кайт.

К нему приближались трое латников. Он сражался, словно не нуждаясь в отдыхе.

«Ты выступишь, брат, я знаю», – подумала Эсси, отворачиваясь.

Она шла назад, когда все вокруг неслись сломя голову.
– Беги, сестра!

...Южане дрогнули.

Они не привыкли сражаться с мертвыми. С собственным безумием.

Они просто испугались – и первые ряды покатались назад, натываясь на соратников, которые не понимали, что происходит.

А по пятам за отступающими шли стаи хищников, ползли, ковыляли мертвецы, неслись сошедшие с ума быки и кони.

– Мы не должны дать им шанса! – орал в боевом безумии Оберон. – Если их не уничтожить, они вернутся!

Впрочем, и без того разгром оказался полным.

...Мертвецы и хищники еще несколько дней преследовали южан, лишившихся большей части предводителей.

Захватчики, позарившиеся на золото, драгоценные камни и хорошие земли, возвращались обратно побежденными.

* * *

– Четверо, и я настаиваю. – Герда потянулась за бокалом, проведя обнаженной грудью по лицу Оберона. – Два медведя и две медведицы.

– М-м-м-м... Это плюс к полноценной волчьей стае? Хорошо хоть снежную кошку ты во дворец берешь только одну.

Королева глотнула вино и с грустью объяснила:

– Большие кошки не уживаются рядом надолго, могут перегрызть друг другу глотки даже при мне. И еще: ты же позволил Дагде взять с собой сорок мертвецов!

– Они совсем как люди, никаких отличий. И при этом не воют по ночам, не пытаются точить когти о трон, не метят ножки кровати в нашей спальне.

– Передергиваешь!

– Немножко преувеличиваю.

– Так мы договорились?

– Да.

Они уже третий день стояли в небольшом городке у плато. Здесь их приняли как героев. Жители города перешептывались, глядя на Шута Льда и Королеву Льда – о них люди слышали в сказках и преданиях, но вживую никто не видел.

Королева в сказках была суровой, но справедливой, зато Шут – злым и невыносимым. В конце каждой сказки его обязательно убивали, но никто не удивлялся тому, что в следующей он появлялся вновь.

Короля народ любил и прощал ему все: и таких родственников, и любые странности, и жестоко пресекаемые заговоры, которыми время от времени баловалась знать.

Дагда дневал и ночевал в больнице. Выяснилось, что хирурга лучше него в королевстве не существует.

– Экспериментируйте на трупах, они не возражают, – учил Шут стоящих рядом врачей. – Видите, этот беспокоится?

И действительно, несмотря на обезболивающее, сделавшее рыцаря с колотой раной в животе сонным и бессильным, он пытался то ли ударить своего хирурга, то ли сбежать от него.

– Мертвые не волнуются. Они подвинутся, если вам неудобно, поднимут руку, если вас заинтересовала мышечная механика. Да даже если они просто лежат – все равно, что может быть проще, чем прооперировать мертвого?

Несмотря на такие заявления, его пациенты чаще выживали, чем умирали.

В столице уже приготовили пышный прием, гонцы прибегали один за другим, интересуясь, когда же король вернется в свой Ледяной Замок.

Но Оберон не торопился. Ему нравилась свобода от будничных дел, которая появлялась в походе, и если при наступлении мысли заняты необходимостью победы любой ценой, то после битвы можно просто отдохнуть.

* * *

– Их были сонмы! Тысячи тысяч оживших мертвецов, Ледяной Король ростом до неба!

– Он ниже тебя. – Эссия поворошила затухающие угли. Она не торопилась назад, надеясь на чудо – брат мог выжить.

Нет, не так: Кайт не мог умереть.

– Он же маг! Чародей! Он вырос выше деревьев, он рвал нас, как дешевую тряпку!

Жалкое зрелище – отступающая армия. Грязь, кровь, попытки объяснить собственный проигрыш чужой магией.

– Кайт!

Брат вышел из редкого подлеска, подволакивая левую ногу. Эссия бросилась ему навстречу и только в последний момент отшатнулась – даже в худшие времена Кайт не выглядел так плохо.

Она не сразу поняла, тренированное тело сработало быстрее разума, драконий амулет плавился раскаленным оловом на груди.

– Нет! – Эссия насадила брата на меч, но он не остановился, а только постарался продвинуться вперед. – Нет!

Вытащить меч, шаг вбок, удар, наклон – никто не отвечает, но это уже рефлекс – удар, поворот, удар.

– Кайт...

Ее спутники – дезертиры и трусы – сбежали, не ожидая исхода схватки с поднявшимся мертвецом. С ее братом.

Эссия села на холодную землю и зарыдала. Рядом дергалось в бессильных конвульсиях то, что еще несколько дней назад было Кайтом – одним из лучших рыцарей Юга.

*...Мы грянем завтра в бой, под золото знамен,
Пусть будет враг разбит и – предан – прах земле,
Иди смелее, – князь, – ты дерзок и силен,
И армию – южан веди за солнцем вслед...*

* * *

Они стояли втроем на балконе ратуши. Внизу гулял народ, солнце приближалось к горизонту.

– Папа, это уже просто неприлично, в Ааллоне должны увидеть наследника престола. Люди в столице изнывают, а местные между тем даже пальцем в меня тыкать перестали, до того привыкли!

– Насидишься еще в столице. – Король Льда рассеянно погладил молодую сову. Старая чуть не погибла во время боя, и Оберон отправил ее, единственную, в Ааллон – пусть на ней репетируют поздравления и славословия.

– Я тоже за возвращение. – Герда обняла мужа сзади за плечи.

Король Льда тяжело вздохнул, и вдруг стало видно, что он ниже жены. Мощнее, основательнее, но – чуть-чуть ниже.

– Вы думаете, я вернусь победителем? Вы ошибаетесь. Почти две тысячи лет назад я выбил из этой страны орду варваров, не знавших железа. Раз в пятьдесят-сто лет они возвращаются, и их все больше и больше. Они научились обрабатывать металлы, шить хорошую одежду, у них есть театры и поэты.

– У нас тоже есть, – рассмеялся Шут.

– Сейчас они пришли с боевыми машинами, и их очень много. Мы – те же, что и две тысячи лет назад. Они превосходят нас численностью и стали гораздо сильнее. Вы знаете, что будет, когда они придут через сто лет?

– Мы их выйдем еще раз, – легкомысленно заявил Дагда.

– В ту ночь, когда семья объединилась, у меня было видение.

– Я помню, – отметила Королева Льда. – Ты обещал рассказать.

– Я видел большие шары, плывущие в воздухе. Чадающие машины, ползущие по земле. Я видел, как мы проигрываем битву за битвой, теряя лучших людей и друг друга.

– Ты слишком стар, муж мой, – рассмеялась Герда. – Сто лет – это очень много. Лично меня сейчас гораздо больше волнует возвращение в столицу. Кэйти нужна теплая постель.

– Кэйти? – заинтересовался Оберон. – Снежной кошке? Ты собираешься брать ее на наше ложе?

– У тебя в замке прохладно. А кошки совсем не мешают, лежат, ноги тебе греют.

– Она же весит больше, чем я в полном доспехе!

Герда рассмеялась:

– Муж мой, ну какая разница, сколько весит Кэйти, если через сто лет к нам придут твои южные варвары и все здесь захватят?

– Ловко, – улыбнулся Дагда.

– Туше, – согласился Король Льда.

Солнце тронуло ободом крыши.

Был теплый вечер, был закат.

Теплый закат Ледяных Королей.

Письма московскому другу

Февраль, 2017

Здравствуй, златоглавая!

Грядет еще один человеческий день, в котором мы не встретимся. Но, отчаявшись когда-нибудь приблизиться к тебе, услышать ласковый голос курантов, прикоснуться к семи холмам, — я все-таки начну новый день.

Разгоню сумрак над Невой, и она, замерзшая, проснется, заблестит под лучами, радуя прежде всего моих — но и твоих тоже, я знаю, кто-нибудь придет обязательно, принесет мне весть от тебя. Они всегда приезжают — в Эрмитаж и в Казанский, в Петропавловку и Исакий, и даже в кунсткамеру, хотя я не понимаю, что в ней красивого. А пока мои кони на Александрийском театре безмолвным ржанием передают привет далеким собратьям на Большом.

Искренне твой друг...

* * *

Не старый еще, но очень известный деятель искусств по фамилии Мариинский, однажды вечером глядя из окон на Крюков канал, предавался томительным размышлениям. Горел светильник, за окном было ветрено, в голове жужжали, будто насекомые, назойливые идеи. Давно нет ничего нового, свежего, революционного. Особенного, чтоб рвать в клочья сердца, как струны, и ломать подмостки. Чтоб зритель плакал, как ребенок, и хохотал, как мудрец, понявший истину. Чтоб чувства, чтоб полет, чтоб гармония...

— Креативите в одиночестве, милейший? — раздался голос. — Ни подруги, понимаешь, ни прислуги... Но готов помочь, из уважения к таланту.

В комнате материализовался смутно знакомый Мариинскому тип: худощавый брюнет с пронзительным взглядом и острым волевым подбородком, длинным носом и тонкими губами. Одет посетитель был обычно: в шелковую рубашку, джинсы и кожаный пиджак. Подкрепляли ансамбль туфли с заушенными носами. Не то офисный планктон, не то...

— Я ваш менеджер на сегодня, — довольно улыбнулся гость. — И мое предложение столь заманчиво, что нравится самому.

— Мог бы и поздороваться, из вежливости, — буркнул Мариинский.

— Лучше сразу к делу... коллега. Вы слуга искусства, я... тоже, где-то. Хотите удивить публику — жажду поучаствовать. Мы с вами создадим симфонию. Современную. И поставим на ее основе балет. Как вам?

— Уже было, — пожал плечами деятель культуры. — «Ленинградская...», например.

— Нет-нет-нет.

Гость вскочил с места и подошел к окну.

— Поверьте, я тоже люблю Шостаковича. Но сегодня этого мало. Нужен дух современного города. Драйв и ритм. А главное — диалог с массовым зрителем.

Мариинский поморщился:

— Никогда не создавал попсу.

— Что вы, что вы, — замахал руками гость. — Вы не поняли. Искусство должно быть понято народом — сказал, между прочим, Ленин, хе-хе, — а не прожевано народом. Мы возьмем за основу классику, произведем современную обработку — и подадим как ноу-хау. С учетом потребностей среднестатистического горожанина. Это маркетинг, ничего больше.

— Сколько? — мрачно спросил Мариинский.

— Да не попрошу я вашу бессмертную душу, мэтр! Ко мне всегда очередь с такими предложениями, начиная от Ла Скала и заканчивая Сиднейской оперой. А они и так мои, — послед-

нее он пробормотал себе под нос. – От вас потребуется сушая безделица: дать ведущую партию моему протеже. Ручаюсь, вы и сами будете рады – гений, гений!

– Хорошо, сначала покажи, что предлагаешь.

– У меня все готово!

Гость запустил обе руки в пустоту, вытащил компьютер последнего поколения, принтер и ворох нотной бумаги.

– Синтезатор, вижу, у вас неплохой, – он кивнул на инструмент в углу. – А USB-кабель найдется?

– Итак, «Симфония Петербурга». Начнем с начала, с XVIII века. Во вступлении у нас первыми скрипками будут Тиц и Луиджи Мадонне. Музыка чуть мрачноватая, представьте: финские болота, шведские войска, натиск, отпор – и в конце тема Петра – победа, триумф, закладка крепости.

В первой части главная партия – молодой город, энергичный, утонченный...

– Но кто это будет танцевать? – перебил мэтр.

– Да не спешите, сейчас нет так важно – кто, важно – как. Совместим русскую классическую школу и европейскую, покажем загадочную душу и жажду деятельности.

– Но элементы...

– Полностью на ваше усмотрение, – перебил гость. – Доверяю специалисту. Итак, после соло – короткая связующая, танец скорби о кончине Петра, затем побочная партия Меньшикова...

– Я даже знаю, кому это дать, честолюбцев в труппе хватает.

– Отлично! В разработке покажем елизаветинские времена – художникам необходимо объяснить, чтоб парики, расшитые камзолы... техника танцоров в стиле барокко...

– «В стиле барокко?» – изумленно переспросил Мариинский. – Как это?

– Ну вы же профессионал, придумайте, – небрежно махнул рукой гость. – Высокие прыжки, полагаю... И реприза наимоощнейшая: Екатерина, Крым, медный всадник, классицизм...

Мариинский хмыкнул, но ничего не сказал.

– Вторая часть спокойная и величественная, – как ни в чем не бывало продолжал «менеджер». – Глинка и его «Жизнь за царя». Потом...

Гость задумался.

– Тут масса всего. Должны звучать пушки войны двенадцатого года и штуцера восстания декабристов; звенеть рельсы Царскосельской железной дороги и радостный хор отмены крепостного права.

– Хор?

– Не придирайтесь к словам, коллега. Поставьте кордебалет, массовку. Тем будет много и разных, но они должны перетекать друг в друга: Чайковский, «Могучая кучка» – и Штраус, обязательно Штраус!

– То есть, вальс предусмотрен?

– Что вы, что вы – конечно, конечно! И подумайте о танцовщице! Кого из балерин вы видите в роли партнерши Петербурга?

– Боюсь, только Терпсихору, – рассмеялся мэтр.

– Хм. А это мысль... Но согласится ли она? – «менеджер» почесал в затылке.

– Вы серьезно?

– Более чем, дражайший мой, более чем! Заканчиваем до-диез минором раннего Рахманинова и переходим к третьей части.

– Второй акт?

– Думаю, да. Двадцатый век пишем в форме рондо: Петербург-Петроград-Ленинград-Петербург. Начинаем с «Тоски» Пуччини...

– Пуччини?! Но почему?

– Ах, mon cher, ну как вы не понимаете. «Балтийский мрак с тоскою италия-ан-ской», – пропел неожиданно чистым баритоном гость. – Северная Венеция накануне перемен. Черная Пальмира на перекрестке миров...

– «Черная Пальмира» – это из другой оперы, – возразил Мариинский.

– Согласен, увлекся. Но все равно про наш с вами город.

– Наш с вами?

– Конечно, – насутился «менеджер». – Я здесь чувствую себя как дома.

– Ты везде как дома. Вернемся к балету.

– Да! Так вот, дальше Петроград – корабли, Андреевские стяги...

– Предлагаешь, чтоб корабли танцевали тоже?

– А есть подходящие? – полюбопытствовал гость.

– Ну... – смутился Мариинский.

– Решим по ходу. Один корабль точно будет нужен.

– Крейсер «Аврора», – понял деятель искусства.

– Именно. И от его аккорда начинается тема революции. Музыка Прокофьева, в костюмах преобладает красный цвет, в хореографии – элементы модерна...

– Принято.

– Я знал, что мы поймем друг друга. В середину предлагаю вставить наконец-то Шостаковича. Вот это «Пам! Пам! Па-пам-пам!» ничем нельзя заменить. Даже комментировать не буду, уже столько всего сказано про блокаду, про героизм, зачем повторяться. И пусть немецко-фашистские захватчики танцуют в рогатых касках, как было в оригинале.

– Что, натуральные? – вздрогнул мэтр.

– Нет, зачем же! – отмахнулся гость. – Найдутся умельцы. Мало ли сейчас желающих подражать...

– Я понял, понял, – поспешил убедить Мариинский. – А после войны что?

– После войны – мир. Строительство. «Время – вперед», Свиридов. Да, пока не забыл: в ленинградской части, что очень важно, должны быть рок-группы, хотя бы в виде попури.

– Все?!

– Насчет всех не уверен, но однозначно – «Аквариум», «Кино», «Алиса», «ДДТ»... И завершаем двадцатый век, то есть наше рондо, темой Корнелюка из «Бандитского Петербурга», ибо это нельзя игнорировать, это эпоха, фактически декаданс...

– Я с тобой поседею, – отозвался Мариинский, вытирая пот со лба. – Танцорам прикажешь выдать пистолеты? А может сразу «оптику»?

Вместо ответа гость, приложив руки к груди, проникновенно, вполголоса, начал: «Ночь, и тишина, данная навек»...

Мэтр дослушал до конца и молча кивнул. Что ни говори – а такое не забыть.

– Я должен передохнуть, прежде чем приступить к веку двадцать первому, – заявил гость, расположившись на банкетке, согнув руку под голову и закрыв глаза. – Там всего-то четырнадцать лет, но – финал, сами понимаете. Как его видите вы, кстати?

– Ну... – Мариинский задумался, откинувшись в кресле. – Если следовать твоей логике, вероятно – «КиШ»?

– Неплохо, – «менеджер» открыл глаза. – Вот только я не представляю, как под них танцевать. Поэтому лучше – «Чиж». Блюзы. И еще Мумий троль, вот это: «Петербург-сити, Петербург – в сети».

Гость приподнялся на локте и противным голосом, довольно похоже, изобразил.

– Тоже почти блюз, но как актуально! А поскольку завершить мы должны не черт весть как, а на подъеме, предлагаю добавить настоящей фантастики.

– А именно? – заинтересовался Мариинский.

– Что-нибудь... романтическое... утопическое... Но чтоб чувствовался сегодняшний день. Вот вслушайтесь: волны... Гасят ветер...

– Это же двадцатый век. Мы его уже обсудили и закончили.

– Мда? – недовольно протянул гость. – А по-моему, двадцать второй, хе-хе. Самый полдень. И уж точно сейчас – остро и животрепещуще, как никогда. И обрамляем незабвенным «Зимовьем зверей», здесь танец должен быть быстрым, предлагаю «Ночи без мягких знаков», чтоб белые ночи засияли во всем блеске.

– «Я фонарею», – покачал головой мэтр.

– «Когда по Неве проплывают киты?» Я тоже. Но как феерично! Ну и конечно же – отражаем трехсотлетие нашего юноши.

– Крестный ход и звон колоколов? – ехидно поинтересовался Мариинский.

– Да делайте что хотите, – вздохнул «менеджер». – Но лично я за лазерное шоу с фонтанами. Черновик, я считаю, готов, детали обсудите с музыкантами и танцорами.

– Скажи же, наконец, кто солист! – нахмурился Мариинский. – Если не наша школа, то не могу поручиться...

– Ну конечно, наша школа, – проворковал гость, вскакивая и суетясь вокруг мэтра. – Разве я мог предложить вам кого-то со стороны! Наш, полностью наш! И духом – и телом! Каждым камнем наш, каждым ветерком в подворотне, каждым деревцем в парках!

– Как! – вскричал Мариинский, всплескивая руками. – Неужели это...

– Именно! Страдает. Любит. Письма пишет. Ему будет полезно немного подвигаться. Но вы должны помочь мне! Возьмите дирижерскую палочку, вот так, взмахните...

* * *

Петербург проснулся в человеческом теле.

Одет он был как протагонист в балете «Ленинградская симфония»: в трико и тенниску.

Это было ни на что не похоже! Можно шевелить руками, садиться, вертеть головой, да что там – прыгать! Он так и сделал: выбежал на Дворцовую площадь и, еще не веря, совершил несколько скользящих прыжков вокруг Александровской колонны.

– Будет, будет. Хорош, в смысле. Мне бы еще понять, в каком стиле с тобой лучше разговаривать, – послышался ворчливый голос. – Работать надо, а он глissады выписывает.

– Печальный демон, дух изгнания? – удивился Петербург.

– Все-то ты знаешь, интеллигентщина. Думаешь, тебе халява обломилась? Тьфу, ты – даром, считаешь, выпало счастье парить? Одним словом – собирайся, я тебе занятие нашел. Не все проспектами пролегать да мостами разводить. Иди за мной. И – правильно, говори там поменьше, а больше слушай. Тогда будешь танцевать как... Мадрид. Или Буэнос-Айрес.

– Танцевать? А она увидит?

– Первопрестольная? Конечно. Все увидят. Все столицы твои будут. Ходу!

Тем утром, которое еще не настало – а может, оно настает каждый день? – Петербург вышел на сцену. Разогнал облака над Невой, и по ней побежали аквабусы и прогулочные катера. Большой трехмачтовый парусник, стоящий у берега, развернул российский флаг. Невский проспект, и так никогда не засыпающий, взбодрился, зашелестел шинами автомобилей, запиликал гудками, эхо от них отразилось еле заметным дрожанием монферрановских колонн и пропало под куполом собора. Там уже ждал хор.

Музыканты в сборе, значит, пора начинать. Молодой человек с внешностью европейца но русским характером, легко подпрыгнув в кабриоле, взмахнул руками, словно подавая знак.

Движение уловили фонтаны Петергофа, понесли на тонких струях вверх, уронили с высоты. Дорожки парков наполнились детьми в колясках и на роликах. Скейтеры полетели вдоль набережных, вызывая зависть сфинксов и львов. Вздохнули мосты под пристальными взглядами грифонов и коней. Царское село вспомнило юные школьные годы и молодого Пушкина, и старика Державина. Ангел Адмиралтейства взирал на все это сверху, а глубоко под землей гудело метро, унося людей к мирской суете. И только Медный всадник делал вид, что ни при чем, но сам внимательно следил, чтоб зрители наблюдали, чтоб не забывали аплодировать. В далеком Кронштадте стоящая на ремонте «Аврора» подумала: а может и не зря все было сто лет назад? Не совсем зря... Ведь был прорыв. Было просвещение. Было искусство. И даже, говорят, космос... Можно ли перечеркнуть?

Танцующий молодой человек не заметил, в какой момент рядом с ним появилась партнерша. Это была не Терпсихора, нет. Женщина в платке, на лице которой отражались столетия, но стан был стройным, движения – невесомыми, а главное, такой жар полыхал в сердце, что растаяла бы, наверное, вечная мерзлота. У танца нет границ – и в этом па-де-де они были вместе, потому что – что еще остается, как не держаться друг за друга, когда весь мир смотрит холодно, недоверчиво, и ждет, нетерпеливо ждет твоего падения...

Демон стоял на мосту Лейтенанта Шмидта (название Благовещенский ему не нравилось), облокотившись о решетку, и задумчиво гладил по морде чугунного морского конька.

– Ты спрашиваешь, хвостатый, зачем мне это было нужно? Глумлюсь, думаешь? Да не глумлюсь я. Просто мне скучно. Хотелось музыки, светлого пятна. Пусть танцует, пока молодой, у него хотя бы будет, что вспомнить серыми зимними вечерами. В конце концов, могу я устроить праздник? Тварь я дрожащая, или?.. И Мариинский доволен, вон какой сбор.

Над Невой начиналось лазерное шоу.

2017 год, неизвестное число

Дорогая Столица!

То, что случилось между нами, так удивительно, что я не в силах осознать этого в полной мере. Но впервые за долгие-долгие годы я понял вдруг, что не один. Есть кто-то, кому я нужен со своим холодом, дождем, серым ветреным небом, унылыми трущобами и, как считают некоторые (хотя они ошибаются), дворянской спесью и постоянным желанием умничать. Пусть мне не верят, но я почувствовал родственную душу. И теперь знаю, что когда-нибудь мы встретимся опять, а пока, даже на расстоянии, мы всегда будем вместе, соединенные нервами железных дорог и шоссе.

Думай обо мне, дорогая.

Навсегда твой,

Санкт-Петербург.

2

Экспериментирующий подросток ТАНГО НУЭВО



Танго нуэво – это эксперименты по части оригинальности шагов, стремление найти свой собственный неповторимый стиль. Танго нуэво свойственны оригинальные вращения со сплечением и вымещением ног, изысканные позы и поддержки.

Морковка для Альбиноса

Солнце освещало черную равнину на острове в семнадцати километрах от Пскова. Оно собиралось уже скрыться за горизонтом, но еще кокетничало, пользуясь тем, что стало тусклее и не могло повредить фасетки тем, кто смотрел бы на него.

Миха шел по распаханной земле, ведя левой ногой борозду по всей длине поля. Выглядел он в последнее время не очень – краска на голове местами облупилась от сырости и ветра, во всю грудь тянулась еле заметная пока трещинка, которую надо было заделать еще с месяц назад, когда она только появилась, а сейчас, видимо, обычной замазкой уже обойтись не получится.

Впрочем, Миха плевать хотел и на собственный внешний вид, и на возможные проблемы с каменным телом в недалеком будущем. Все дело было в кролике-альбиносе – этот паршивец в питомнике выглядел таким живым и милым, а старый, обычный – серый – уже совсем поседел и вот-вот грозился издохнуть.

От переживаний Миха чуть сильнее ткнул ногой в землю, борозда пошла глубже – и это было крайне нехорошо, потому что так посаженные в нее семена скорее всего не взойдут.

– Михаэль! Карпентер, мать твою глыбу березой под дых! – заорал бегущий к пахарю Тодди.

Он оставлял в мягкой земле глубокие следы и был кардинально неправ. Настолько, что Миха несколько мгновений на полном серьезе рассматривал возможность упереться и встретить приятеля мощным хуком в челюсть.

Однако при этом пострадал бы кролик Тодди – тоже не совсем идеальный, но убийство или нанесение увечий чужому животному было слишком большой карой за такой проступок.

– Что тебе надо? Пришел посмеяться надо мной? – поинтересовался пахарь.

– У нас проблемы! В восточной части острова высадились наны!

Альбинос, подчиняясь ментальному импульсу, побежал быстрее, прокручивая кремниевое колесо в голове Михи. Вспомнились события двухсотлетней давности, когда наны уничтожили весь урожай и большую часть животных.

Они свалили с острова только после того, как переварили все, что им было нужно, – в основном металлы и пластик.

– Ужасно, – скрипнул пахарь.

– Не то слово! – кивнул Тодди. – Общий сбор прямо сейчас!

Они оба ринулись предупреждать остальных. И было уже не важно, что каждый шаг каменных исполинов порождает новые глубокие ямы в недавно распаханной земле.

На могильной поляне все собрались уже глубокой ночью. Множество валунов, в очертаниях которых угадывались сплетенные руки, ноги и головы, лежали по центру. Каждый каменный исполин, пришедший сюда, первым делом дотронулся до спрессованных в единое целое фигур. Миха сразу после этого по привычке нашел взглядом Ани – она же упорно смотрела в другую сторону. Не так давно, пока не сдох его старый кролик, они вместе мечтали об общем ребенке. Теперь же об этом не стоило и заикаться.

Карпентер с кроликом-альбиносом в голове стал незавидным женихом. Мелкий красноглазый подлец крутил колесо, позволяя Михе думать и выдавая заряд, необходимый для существования. Но делал это не всегда равномерно, иногда сбивался, а порой вдруг выдавал свой ритм, законченный и красивый, но такой нетиповой, что мысли шли совсем по другим законам – и остальные только презрительно поджимали каменные губы, слыша бред родича.

– Собираемся! Сходимся! Общий сбор! Соединяемся! – заорал Карл. Один его глаз выломало веткой прошлой весной, и он до сих пор восстанавливался – старый кролик в голове у старейшины крутил колесо не слишком быстро, и на выплавку фасеточного стекла сил у гиганта оставалось немного.

Каменные исполины встали в круг, каждый дотрагивался до стоящего слева и справа; а коленом или бедром прикасался к камням в центре поляны.

– Уберите Миху! – вдруг крикнула Ани. – Он порченный!

Такого предательства Карпендер не ожидал. Да, они давно уже не общались, не держались за руки, не склонялись друг к другу головами, а уж о запуске грызуна можно было и не говорить. Но – убрать кого-то из общего собрания? Его – убрать?

– Нет, – Карл категорично взмахнул рукой. Невысоко – берег силы. – Каждый из нас несет в себе уникальные знания. Во многом они повторяются, но сегодня мы не можем рисковать. Наны сметут нас.

Ани покачала головой. Миха вдруг понял, почему она пыталась его отстранить. В общем собрании ему не составит труда понять, что она думает о нем, – и ей, возможно, будет от этого больно.

Но ничего поделать с этим уже было невозможно. Четыре десятка кремниевых фигур соприкоснулись друг с другом и с каменным могильником в центре поляны и стали единым целым.

Что-то происходило. Появлялись картины из прошлого – нашествие нанов двести лет назад, со всеми подробностями, такое, каким его помнили очевидцы. Порученные постройки, сметенные поля, убитые звери. Ползущие в могильник раньше срока фигуры – те, кому не достались новые животные взамен умерших. Уничтоженные крысы и бобры, которые раньше так же, как кролики, крутили колеса в головах.

Это была катастрофа – после которой община так и не оправилась полностью. На этот раз исчезнуть могли и кролики.

Мелькнули воспоминания более ранние: первые каменные люди рядом со своими живыми предками – копии, размером примерно семь к одному. Космические челноки с умирающих орбитальных станций, перевозящие на загаженную радиацией планету людей и оборудование.

Громадные приборы, оцифровывающие исходные данные в формат, который лучше всего укладывался в кремниевые носители. Люди, переносящие свою суть вместе с этими данными, чтобы дать каменным фигурам личности.

Животные и растения, привезенные с орбитальных станций – ибо на Земле выжили лишь тараканы.

Карпендер всегда интересовался подобными вещами. Он родился всего девяносто два года назад, через четыре сотни лет после Исхода, и той информации, что изначально оказалась в его части общей памяти, ему было мало.

Чувствуя, что собрание вот-вот закончится, Миха судорожно пытался понять, что же испытывает к нему Ани, – но успел уловить лишь легкий флер сожаления. Ненависти или обиды не было!

Каменные фигуры сделали шаг назад и разомкнули круг. Все смотрели на Карпендера. Он, потративший время на исторические изыскания вместо решения проблемы, не понимал, что происходит.

– Михаэль, ход за тобой, – твердо заявил Карл. В недоделанном глазе мелькнул куцый кроличий хвостик – обитатель черепа старейшины выходил на чрезмерные для себя скорости, позволяя хозяину думать чуть быстрее, чем обычно.

– Он не справится, – заявила твердо Ани.

Что же она чувствует к нему? Карпендер сжал каменные челюсти от разочарования. Как мог он потратить ценнейшее время собрания на какие-то глупости, вспоминая ненужные древности?

– Я справлюсь, – сказал он.

Все тут же загомонили. Из обрывков слов Миха понял, что он – единственный, кто имеет опыт внутренней агрессии. Каждый каменный исполин с момента появления на свет любит прикосновения. К матери, к отцу, к остальным – получая ценные крохи данных об окружающем мире. И никто никогда не пробует ударить другого.

– Ты самый злой из нас, – кивнул своим мыслям Карл. – До твоего прихода я прикасался к другим нашим – и самой жестокой мыслью было задушить нанов в объятиях. А у тебя – страшно подумать – есть даже ощущение, что нанов можно растоптать!

– Но их нельзя растоптать, – криво улынулся Миха. – Они же наны.

– Никому не дано понять, как причудливо твой кролик крутит свое колесо! Иди, спасай нас.

Карл махнул рукой.

Это было так по-детски! По-детски злобно – когда ребенок не понимает еще, что его слова ранят окружающих.

Михаэль Карпентер оглядел всех присутствующих. Одна-единственная ошибка с выбором кролика вывела его за рамки, сделав парией. Безусловно добрые, каменные гиганты не выгоняли его – но, когда появилась опасность, отправили в бой первым.

Он взглянул на Ани. Та смотрела в упор, и во взгляде ее прекрасных фасеточных глаз не было ни капли сочувствия – только ожидание.

– Я попробую, – сказал Миха негромко.

Ночной лес, окружавший могильную поляну, принял в себя каменного гиганта. Тропинка, ведущая на запад, оказалась почти не торенной – туда мало кто ходил. Миха шел, размышляя о том, что вот сгинет он сейчас – и что? Тело его, может быть, даже не перенесут на могильную поляну, и весь его опыт, жалкий и неудачный, останется достоянием валуна на восточной оконечности острова...

Он шел и жалел себя. Раньше ему и в голову подобное не приходило. Серый кролик, исправно крутивший колесо до появления Альбиноса, не давал ни единого повода задуматься о чем-то кроме повседневных вещей.

Миха достал из ящичка в боку длинную морковку и сунул себе в рот. Красноглазый одобрительно увеличил скорость – ему нравилось жевать на ходу. Большая часть животных предпочитала есть в то время, когда истуканы стояли или сидели, а этот и тут отличился...

В одном Альбинос точно был лучше остальных – Карпентер выбрал и впрямь самого бодрого кролика, и тот крутил колесо с явным удовольствием, не останавливаясь. В каменной голове ему было уютно, шуршали по-домашнему задеваемые лопастями щеточки, неслись одна за другой мысли, вырабатывалось электричество.

Дорога ложилась под каменные ноги, изредка ветки шкрябали по твердой груди, каждый раз напоминая о том, что надо все-таки что-нибудь сделать с трещинкой.

Под утро лес закончился, и вдали в неясном предраассветном мареве показался берег моря, образовавшегося после катастрофы. Над берегом вихрились наны.

Были они в точности такими же, как в воспоминаниях предков. Множество мелких, невидимых даже острым взглядом гигантов устройств соединялись во всепоглощающий рой, который кружился вокруг своей оси.

Идти к нему не хотелось, но память услужливо подсказала: наны не слишком торопливы, и от них вполне можно убежать. Миха приблизился на расстояние десятка шагов и присмотрелся. Серый «вихрь», казалось, вращался на месте, но на самом деле он постепенно двигался вглубь острова – над серой полосой голого камня, где раньше зеленел луг с блеклой травкой.

Миха обошел «вихрь» по кругу, наклонился и тронул твердь скалы. Та ответила множеством совершенно неструктурированных данных. Пытаться найти в них смысл было бы ошибкой. Давным-давно община потеряла таким образом одного из своих, настолько сошедшего с ума, что выудить из него хотя бы обрывки бесценной информации не удалось.

Что делать дальше, Миха не представлял. Возвращаться смысла не было – то есть его, конечно, приняли бы, но сразу стало бы понятно, что он даже не пытался ничего совершить – а это расценили бы как трусость и предательство.

Он снова обошел нанов. На этот раз воронка сместилась вниз, напомнив забавную игрушку из давнего-давнего прошлого – юлу. И верхний ее край словно слегка кивнул Карпентеру.

Кролик в голове прибавил темп. То ли сработала очередная морковка, то ли он так выражал протест против того, что они давно не отдыхали.

И в тот момент, когда Михе показалось, что если Альбинос ускорится еще чуть-чуть, то станет понятным что-то важное, «вихрь» неожиданно вырос вверх столбом и перегнулся пополам. Карпентер едва успел убрать голову, но рука его по плечо оказалась захваченной застывшим под углом «вихрем», и тот постепенно распространялся на грудь.

Они замерли – только Альбинос разгонялся все сильнее и сильнее. Колесо вращалось со скоростью, которой не достигало никогда, думать было неожиданно легко, а мысли приходили совершенно странные.

Наны никогда раньше так не делали – это значило, что это либо какой-то другой вид, что вряд ли, либо, что они – обучающиеся. Из памяти мгновенно были извлечены данные о том, как в далеком прошлом, еще до того, как наны вылизали остров, препарировали под микроскопами крох – каждая из них в отдельности была всего лишь тупым кусочком пластика, иногда с вкраплениями железа в литую микросхемку.

Но если оно обучается, то, может быть?..

Миха раскрыл сжатую ладонь и попробовал «считать» что-нибудь с нанов. Это ему не удалось – но вызвало кратковременное замешательство «вихря». Альбинос бежал так, словно от этого зависела его жизнь. Впрочем, именно так дело и обстояло – в кролике было достаточно железа и других интересовавших нанов элементов.

Гигант судорожно вспоминал прошлое. Массивы данных он обрабатывал в доли мгновения – но их было слишком много, вся память предков, обрывки мыслей знакомых и друзей, глыбы информации от родителей.

Поймав за куцый хвостик очередную идею, Миха подумал: а может, наны тоже несут информацию – но в другом формате? Это у них, у гигантов, сейчас он единственный. А ведь когда-то давно способов хранения было более чем достаточно!

Красноглазый мог в любой момент умереть от разрыва сердца – такое случалось, хоть и редко, и после этого пришлось бы ползти тупенькому Михе на скудной солнечной энергии домой, – но скорости не сбавлял.

– Ты... Кто?

Наны и впрямь были разумны. Простейший код – что-то и ничего – формировал вполне понятные вопросы.

– Я – человек, – ответил Миха. – Мы унаследовали землю.

Одновременно с разговором он пытался считать что-то еще из окружающего руку роя – и отчасти ему это удавалось.

– Ты... Не... Человек... Много... Признаков... Мертвый...

– Кремниевая жизнь, – ответил Миха, вставая на проторенную дорожку. Уж об этом-то в его памяти информации было много, из разных источников, и она скапливалась в легко опознаваемые массивы. – Симбиоз с живыми организмами.

– Нет... Плана...

Рой мгновенно встал столбом – а потом с удивительной скоростью, куда быстрее, чем это мог сделать Карпентер, удалился в обратном направлении.

Наны обладали разумом. Не таким, как у гигантов, но вполне очевидным – только совместным. Более того, из обрывков информации Миха в момент озарения понял, что их кто-то направляет.

Подойдя к обрыву и взглянув на беспокойное серое море с барашками черной пены, гигант отметил, что «вихрь» летит над волнами, и удалился уже довольно далеко. Вряд ли стоило ждать, что он вернется.

Обратный путь тянулся словно в полудреме – утомившийся Альбинос сожрал две морковки подряд и выпил пузырь воды, специфичным перетаптыванием заставил Миху опорожнить лоток в затылке – хотя обычно легко терпел до отдыха – и после этого бежал даже не вполсилы, а в лучшем случае в четверть.

К удивлению Карпентера, многие из гигантов так и не ушли заниматься делами, а остались на могильной поляне. Кто-то сидел, прикасаясь к застывшим валунами предкам, и пытаясь по крупицам выудить из их заторможенной памяти хоть что-то полезное, кто-то обнимался, обмениваясь данными, другие тихо переговаривались.

Вдруг странная идея посетила Миху. Им всем нужна поддержка! И тут же кролик в голове ринулся вперед, колесо завертелось – и сформировалась четкая и понятная мысль. Все они, каждый гигант отдельно и общее их собрание – были всего лишь детьми. Детьми, некогда брошенными родителями и не сумевшими повзрослеть.

Они ухаживали за животными и растили овощи и злаки, строили фермы и даже рожали новых гигантов – но все равно оставались маленькими и нуждающимися в защите. Именно потому они так легко отправили его в опасный путь – дело было не в том, что он мог справиться с проблемой, а в том, что они смогли пусть и на короткое время скинуть на него ответственность!

– Карл, – позвал он старейшину. – Есть разговор.

Все взгляды обратились на него. Да уж – судя по всему, никто не верил, что Михе удалось решить проблему, и теперь они боялись того, что придется вновь принимать какое-то неудобное решение.

Старейшина прикоснулся к локтю Карпентера, и тут же глаза его широко раскрылись. Да и сам невольный герой пораженно посмотрел на Карла.

Теперь они думали по-разному. Видимо, столкновение с «вихрем» и невероятная скорость Альбиноса в тот момент позволили сделать качественный скачок. Старейшина думал медленно, и Миха даже понимал почему. Колесо в его голове, необычайно прочное и почти вечное, за полторы сотни лет касания лапок животных получило маленькие выбоинки – и каждый следующий зверек старался держать один и тот же темп, чтобы попадать четко в удобные следы.

А Альбинос в голове Михи бежал как придется – это делало его не слишком предсказуемым для друзей, но позволяло принимать решения, о которых другие и мечтать не могли. До рывка с «вихрем» это играло против Михи. А сейчас, когда он неожиданно перешел на новый уровень осознания, стало его преимуществом. И Карл это понял.

– Друзья мои! – громко крикнул старейшина. Его кремниевая глотка, не привыкшая к таким нагрузкам, дала легкий сбой в конце, но этого почти никто не заметил. – Михаэль спас нас! Наны ушли! Общее собрание!

«Общее собрание»! Миха едва в голос не рассмеялся. Это был отличный способ успокоить всех и подтвердить, что они не одни. Любой повод – решение одно. Общее собрание! Дети...

В этот раз собирать всех пришлось не так долго, как в прошлый, – никто не ушел слишком далеко. Все боялись перемен и старались держаться ближе к остальным.

Ани теперь смотрела на Миху с опаской. Когда круг собрался, Карпентер первым делом заглянул в ее мысли – она оказалась растеряна и не знала, что думать. Остальные просто радо-

вались тому, что угроза нанов исчезла. Никому и дела не было до того, что нанами кто-то управляет.

Еще Миха почувствовал пристальный интерес к себе со стороны нескольких девушек.

В общине нечасто появлялось достаточно ресурсов для того, чтобы принять нового члена – и когда это все же происходило, в желающих произвести на свет малыша недостатка не было.

Ленивый бег Альбиноса сменился трусцой – Карпендер размышлял о том, что делать дальше. Остальные гиганты в момент общего собрания осознали, что их посланник каким-то образом освободил остров от нанов – но двигающихся по накатанной кроликов в их головах не хватило для того, чтобы понять, как это случилось. Они не воспринимали код нанов «что-то/ничего», в запомненных Михой обрывках которого оказалось немало интересного.

– Карл, – сказал он. – Я собираюсь уйти и отыскать тех, кто управляет нанами.

– Ты не пройдешь через море, – сразу же ответил старейшина.

– Наны не способны двигаться над глубокими местами. Часть их роя спускается под воду и отталкивается от земли, и через некоторое время они выходят из строя и поглощаются остальными. Это значит, что я смогу найти их источник, ни разу не погрузившись с головой.

– И чего ты хочешь?

На этот вопрос соображения Карла хватило.

– Раз уж я уйду, освобождается мое место в кругу. Я хочу ребенка.

К сожалению, из всех подходящих грызунов свободной оказалась только одна белочка. Рыжая, хвостатая, живая и смысленная, по общему мнению, она была не лучшим вариантом – но Миха считал иначе.

Он поместил ее к себе в живот, набитый орехами, и пошел к Ани.

– Нет, нет, даже и не говори ничего! – закричала она, едва он приблизился. – Не прикасайся ко мне!

Девушка боялась – как и большинство гигантов, она привыкла жить по накатанной. Пока Миха был нормальным и в его голове бегал серый кролик, она видела в нем будущего отца своего ребенка. Сейчас же – нет.

– Наш сын будет лучшим, – тихо сказал Миха. – Я передам ему свои знания и помогу раскрыть все возможности. Ты же хочешь, чтобы твой ребенок был лучшим?

Ани сопротивлялась. Она хотела, чтобы ее ребенок был как все. Уговорить ее не удалось – слова гиганта словно натыкались на стену.

Он ушел и следующие два дня сидел на скале в лесу, ощущая, как вертится, постепенно привыкая к темноте и твердости его чрева, белочка. Он пытался говорить с ней, как-то налаживать контакт – но малышке требовалось куда больше времени. Альбинос теперь понимал его лучше, чем он сам, увыстряясь перед сложными задачами и медленнее перебирая лапами тогда, когда Миха хотел просто спокойно поразмышлять. Трещинка на груди затянулась сама – оказывается, это было заложено в них, и в памяти даже имелись инструкции – правда, слишком сложные для всех, кроме него.

А на третий день пришла Ани. Она без слов положила руку на его каменное плечо. По обрывкам ее мыслей он понял, что девушка решила – он всегда был ей небезразличен, а сейчас, поговорив с подругами, она поняла, что все ей завидуют, видя в ней избранницу Карпендера.

Это было не лучшим поводом для рождения ребенка, но Миха не сомневался – он сможет пробудить в ней настоящую любовь.

Еще через четыре дня черная от угольной пыли, несущей главные данные о жизни гиганта и информацию об основах выживания в мире, белочка скользнула из чресел Михи в чресла Ани и уютно устроилась у нее в животе.

Девушку положили в глубокую пещеру, прикопав большим количеством угля и оставив наверху только ее голову. Через два дня уголь превратился в черное бурлящее месиво и кипел еще две недели.

А потом из пещеры вынырнул маленький каменный человечек, и в его голове крутила безостановочно колесо рыжая белка. Как она выжила – оставалось загадкой, но грызуны всегда выживали и с рождения ребенка осваивали его колесо.

Миха взял сына на правую ладонь, а левой рукой помог выбраться из угольной купели Ани. Девушка изменилась – как и многие до нее, после родов она словно узнала что-то недоступное другим. Взгляд ее стал спокойнее, а движения – плавнее. Она повзрослела.

Вечерами они сидели на скале неподалеку от могильной поляны и гладили малыша, передавая ему по крупичкам свои знания о мире. Клади ему в животик куски угля, кормили его белку и ухаживали за ней.

Как Миха и предполагал, сын легко усваивал все, что ему давали, – в том числе и знания о нанах, которые оказались недоступными остальным.

А когда малыш подрос достаточно, чтобы самостоятельно кормить белку, – к тому времени на остров уже опустилась осень – Миха созвал общее собрание.

– Я ухожу, – сказал он. – Но знайте – никогда больше ваша жизнь не будет прежней. Даже если я не вернусь – мир уже изменился. Но если я вдруг смогу сделать задуманное и доберусь до тех, кто управлял нанами, возможно, мы найдем наших родителей, и я уверен – они все еще любят нас.

После этих слов Миха встал и пошел на запад. Его ждала долгая дорога, много приключений и открытий.

Колесо вращалось: альбинос прыгал со ступеньки на ступеньку в странном танце. Он чувствовал, что для его лап будет еще много работы.

И еще он знал, что Миха никогда не откажет ему в лишней морковке.

Последнее танго на Марсе

Школьный М-бан стремительной гусеницей неся в прозрачном тоннеле. Полина развалилась на сиденье, задрала ноги в облепляющих джинсах на спинку следующего. В планетарных поездах иногда очень трудно расположиться удобно, скорость буквально сплюсчивает, вдавливают в упругий пластик. Аккуратно причесанные одноклассники косились, но помалкивали: зачем ссориться с Полинкой, она добрая, красивая, а главное – у нее такая подборка синглов, какую невозможно добыть даже в Центральной файлоотеке Содружества. Где берет? Тайна. Но никогда не жмет, дает послушать и даже переписать.

– Ну и что дальше?

– Дальше он говорит: «Есть еще одна микросхема, которую надо уничтожить. Она здесь», – и показывает на свою голову.

– Ну-у! – возмутилась Полина и сбросила ноги со спинки сиденья. – Дальше все предсказуемо. Они его уничтожают, он типа жертвует собой?

– Какая ты догадливая, – хмыкнул голос в беспроводном микронаушнике.

– Дурацкий фильм. Фу! Не хочу больше.

– Тебе не нравится, что прикольный герой погибает? – заинтересовался голос.

– Мне не нравится, что он погибает так глупо. Люди не оценят. Ведь наверняка была еще третья серия, и там опять те же траблы, только в профиль, я угадала?

– Как всегда, моя умница, – улыбнулся голос. Если, конечно, голос способен улыбаться. Ведь через микронаушники этого не видно.

Скрестив руки на груди и надувшись, девушка уставилась в окно. Сейчас нет пыльных бурь и видно каждый кратер. Каждый день эти кратеры за стенками куполов, за окнами м-бана. Как достало! Вот бы на Землю попасть, хоть разочек. Дед рассказывает: там красиво. Деревья всякие – елки, эвкалипты! А у них только чахлые яблони.

– Поли-ин? – легонько пихнула ее локтем Дуська, вечная соседка по парте. – Ну что? Как?

Дуська, как всегда, сделала большие круглые глаза, которые у нее и без того выпуклые.

– Нормально, – пожала плечами Полина.

– Ну когда вы уже встречаетесь? Неужели он все еще терпит? А-фи-геть! Как у вас серьезно...

На Дуськином лице отражался такой непритворный восторг, что Полине стало смешно.

– Дура, – шутливо ткнула она подругу пальцем в живот, не замечая, что краснеет.

Дуська уверена, что Полина ежедневно треплется по плэнэт-связи со своим парнем. Не, оно, конечно, правда – с парнем. Да еще с каким парнем! Лучшим в мире.

Но.

Все не так, как думает Дуська.

– Марс, Юго-западный купол, – объявил электронный женский голос. – Учащиеся школ! Не забывают свои вещи.

Полина и все ее одноклассники, мгновенно подобрав сумки с гаджетами, столпились у выдвижных мембран. Наконец-то на свободу! Нормальные люди ходят в школу рядом с домом, в своем куполе, а им не повезло: купол новый, перенаселенный, инфраструктуры никакой. Вот и приходится мотаться в студ-городок.

* * *

Мать еще не вернулась с работы, а отец был дома. Полина застала его, как всегда за вирт-экраном, на котором он быстро и сосредоточенно, едва поводя пальцами, корректировал

чертеж, напоминающий огромную арку. Полина на минуту задержалась, пытаясь понять, что это. Мост? Переходник?

– Здравствуй, дочь, – не оборачиваясь, произнес отец. – Почему ты опять в обуви?

– У тебя что, глаза на затылке? – буркнула Полина и отправилась снимать кроссовки.

Отец вздохнул: подросток, пятнадцать лет. И третьего глаза не надо.

– Как дела в школе? – спросил он, когда Полина снова появилась в комнате.

– Химия – «пять», физкультура – «пять», история – «три», – скороговоркой выпалила дочь.

– Почему история-то три?

Отец обернулся, недоуменно сверкнув синими глазами. Вообще, удивительно. Вроде он и похож на деда, на дедовскую сканографию: тот же прямой нос, широкие скулы, чуть раскосые глаза. Но его как будто красили другим цветом: светлокожий и светло-русый, как и Полина. А может, так влияет жизнь на Марсе? Недостаток солей в воде? Дед свою недолгую жизнь прожил на Земле, и умер на Земле, навсегда оставшись жгучим брюнетом.

– Скучно потому что. «История нового времени». Ха. Ха. Ха. Какое же оно новое? Французская революция лохматых годов. Тебе смузи сделать?

– Сделай, – согласился отец и вновь уткнулся в чертеж, напевая себе под нос «Отречемся от старого мира».

Полина потопала на кухню. Достала из холодильника два скукоженных пакетика – с вишней и «лесными ягодами». Сунула в разморозку. Блендер собрала легко и быстро – привыкла. В семьях многих друзей все, абсолютно все делают роботы. Но доходы родителей Полины не столь высоки. Нет, они не бедствуют – но и не шикуют. Да кроме того, что-то даже интересно делать самой. Только не уборку, это смерть!

– Тортила! – позвала Полина.

Под столом ожила пылесос-черепаха и, важно перебирая конечностями, с приглушенным урчанием ломанулась наискосок через кухню, подбирая соринки. Пискнула разморозка – готово, можно приступать. Полина достала пакетики и занялась смузи.

– Красавица! – позвал голос в наушнике.

– Что, чудовище? – откликнулась Полина, внутренне просияв. Ну приятно же!

– Как насчет видеосессии в Центральном куполе? Ты обещала.

– Сегодня? – Полина наморщила лоб.

– А чего тянуть? Заодно прогуляешься. Учеба-дом-дом-учеба, вот и вся твоя жизнь. Так же нельзя.

– Ты забыл: м-бан – переходник – портал – купол – м-бан, – фыркнула Полина. – И насчет «прогуляешься» – тут не Елисейские поля. И даже не подмосковные рощи с этими... как их?

– С белками, – довольно произнес голос.

– Вот-вот. Про которых ты рассказывал. У нас все сурово: рыбки в аквариуме, игуаны в террариуме. И тортила под кроватью. Никаких вам белок.

Голос вздохнул.

– Ладно, внуча, не дрейфь. Все будет. Но не сразу.

Полина беззвучно, чтоб не услышал отец, расхохоталась, держась за живот.

– Ой, не могу. Когда ты так говоришь – «внуча» – я представляю тебя с бородой и в пиджаке.

– В пиджаке? – обрадовался голос. – Классно. Между прочим, у меня и в юности пиджак был. Кожанный. Это теперь только дурацкий комбинезон. Ладно, слушай, отвлекают. Как соберешься фоткать – стучись.

– Ага.

Смузи из размороженных ягод – других на Марсе просто не бывает – был готов. Полина разлила густую сиреневую смесь в два высоких стакана, окунула в них соломинки и направилась в комнату.

Отец с удовольствием взял у нее из рук один стакан.

– Что бы я без тебя делал, дочь...

– Пропал бы, – невозмутимо констатировала Полина, усаживаясь в кресло.

Потягивая приятный кисло-сладкий напиток, включила домашний смарт.

Выскочили сразу три новых сообщения: квитанции об оплате.

– Па-а? – недовольно протянула Полина. – А мы разве в этом месяце за воздух не платили?

– Платили, – вздохнул отец. – Теперь новые тарифы, генераторы на планете еле тянут, менять их надо. Оттого и сборы. Прислали уже?

– Угу, – отозвалась Полина.

В прихожей щелкнул замок.

– А вот и наша мать.

Про маму все говорили, что она – идеальная женщина, и многие не понимали, как такая досталась отцу Полины. Но дочь относилась к этому с изрядной долей скепсиса: слишком расчетливая, слишком холодная. Тем более – для мамы. Мама должна быть теплой и ласковой!

– Дочь, я смотрела на школьном портале – у тебя тройка.

– Да, – покорно согласилась Полина.

– Ты ведь знаешь, что если не наберешь проходной балл, тебя автоматически вышвырнут в разнорабочие, и о колледже можно не мечтать?

– Первая тройка за две...

– Хватит! – мать жестко обрубилла начало фразы. – У тебя даже четверок быть не должно, только пятерки!

Полина посмотрела на точеный профиль снимающей сапоги матери, вспомнила о предложении деда поправить оценки в школьной системе и в первый раз подумала, что это – неплохая идея.

– Слушай, мать, я смотрел средний балл – Полина седьмая на потоке... – начал было отец, но его тоже перебили.

– А должна быть – первая!

Все понятно – что-то не так в клинике. Отчеты не сходятся, или новая инициатива от властей. Когда у парламента заканчивались деньги, они вместо них начинали присылать в больницы и школы совершенно дикие распоряжения, регламенты и приказы. Такие, от которых любой нормальный человек вначале повесится, и только потом подумает – а возможно ли это в принципе.

Полина помнила еще время, когда мама была добрее, не так уставала, и они с отцом постоянно шутили по поводу потенциального брата для нее. А потом грянул кризис! Половину клиники сократили, и теперь мать работает больше, получает меньше, и домой приходит чаще всего в дурном настроении.

– Я – к Дусе, уроки делать.

– Может, покормишь меня вначале? – сурово поинтересовалась мать.

– Я разогрею, – принял на себя удар отец, и Полина выскользнула за дверь в не зашнурованных кроссовках.

Дуська легко согласилась ее прикрыть, если вдруг возникнут вопросы. Тем более, что раньше вопросов никогда не возникало, но подстраховаться следовало – Полина даже думать не хотела о том, что может устроить мать, если узнает, что дочь вместо занятий гуляет по всему Марсу.

И что самое страшное – узнав о причине этих прогулок, отец ей точно не поможет. Потому что он дико, жутко, просто вообще-вообще ужасно обижен на постоянного собеседника Полины – своего отца, а ее деда.

В первую очередь за то, что тот очень не вовремя умер.

* * *

– Красавица!

– Что, чудовище?

– Дома не очень, да?

Полина поежилась на сиденье. Иногда ей казалось, что дед знает о ней все.

– Подслушивал?

– Как можно, – чопорно отозвался собеседник. – Почувствовал!

– Не очень, – подтвердила она. – Слушай, может, ты помиришься с отцом?

– Это невозможно, потому что невозможно, – ответил дед. – Я же говорил, я очень неудачно умер. Представь, у меня на руках молодая жена с маленьким ребенком. Я взламываю банк, вытаскиваю из него гигантскую сумму, и только успеваю оплатить сетевое кладбище и криогенную камеру, как врывается служба безопасности этого самого банка и убивает меня, вроде как при попытке к бегству. Хотя какая там могла быть попытка, если я сидел в этот момент, опутанный проводами? Но в любом случае жена получает в наследство мои долги и вынуждена подписать кабальный договор и отправиться с ребенком осваивать Марс! Я лишил твоего отца детства. Не говоря уже о твоей бабушке, которая умерла, так и не успев полностью погасить мои долги.

– Нехорошо, – вздохнула Полина.

– Да вообще ужасно, – вздохнул дед.

– Но он же тебе отомстил – продал твою матрицу с сетевого кладбища этим, из метеокорпорации. Значит, вы квиты?

– Куда там, – грустно отозвался ее собеседник. – Фактически он дал мне второй шанс. Пусть мое тело лишь с виду напоминает человеческое, и существовать я могу только в условиях дикого холода и маленькой гравитации. Пусть я привязан к своей метеостанции на Плутоне и вынужден делать тупую работу по замене расходников и мелкому ремонту. Пусть у меня нет ни единого шанса выбраться отсюда хоть когда-нибудь. Это не так важно – если учесть, что мне удалось подключиться к внешнему каналу, по которому метеостанция передает сводки в обитаемые миры, и я могу разговаривать с тобой! Понимаешь? Я украл у него детство – а он подарил мне тебя, красавица.

– Мы никогда не встретимся, – сжала зубы Полина. – Это ужасно!

– Мы всегда будем вместе, – жизнерадостно ответил голос в ее ухе.

– Но ты не можешь угостить меня кофе. Или... Или пригласить на танец!

– С этим есть небольшие технические трудности, – согласился дед. – Так, у меня ЧП, какая-то сволочь слегка сэкономила на проводах, и сейчас мне надо...

Голос пропал. Так изредка бывало – но Полина знала, что связь прервется ненадолго, дед скоро все починит.

* * *

М-бан прибыл под Центральный купол, и Полина поспешила нырнуть через открывшуюся мембрану в узкий зев переходника. Народу – пропасть. Ну, куда они все? Впереди только спины и затылки, плотной массой. Кажется – вдохнешь, и крыша обрушится на тебя сверху, так ее распирает копошащееся человеко-существо.

Людской поток вынес Полину под Купол. Коробки жилых модулей, торгово-культурный центр, искусственный пруд, комплекс лечебно-бытовых услуг, здание Сектората... Неужели это интересно?

– Дед? – позвала она.

– Да, красавица! – откликнулся наушник. – Ты на месте?

– Угу. Что снимать-то? Печаль одна...

– Да все подряд. Мне все интересно.

– В сети же наверняка есть фотки, изображения с веб-камер...

– Есть, – нехотя согласился дед. – Но маловато. И это не то. Я хочу, чтоб ты сама мне все показала и рассказала. Как будто я с тобой в реале общаюсь.

– Ну ладно.

Полина настроила мини-камеру. Навела фокус на здание Сектората.

– Вот место, где сидит марсианский парламент, – начала она, представляя себя не то журналисткой, не то экскурсоводом. – Он принимает законы и... валяет дурака, на самом деле. Потому что законы все равно присылаются с Земли, а местные проблемы вообще никто не решает. Как с генераторами.

В наушнике хмыкнуло.

– А вот справа вы видите торговый центр «Фобос»...

Внезапно со стороны порталов послышались крики и шум. Полина обернулась, не успев понять, что происходит, как под куполом раздался голос:

– Внимание! Это не учебная тревога! Всем жителям купола...

Затем раздался дикий скрип и голос прервался, а через несколько мгновений возобновился – но на этот раз говорил кто-то другой, не торжественно-настороженный, а злой и веселый.

– Граждане Марса, как вам сообщил мой коллега, это не учебная тревога. Я представляю группу «Земля превыше всего». Мы захватили управление силовыми установками одиннадцати... Нет, уже двенадцати куполов, и оставшиеся в ближайшее время тоже перейдут под наш контроль. Просим сохранять спокойствие, ну и все такое, тем более что сделать вы все равно ничего не можете. А пока рекомендую подумать, почему вы все вместо того, чтобы чистить загаженную родную планету осваиваете чужие для вас камни по всей Солнечной системе.

Про «Землю превыше всего» часто говорили по телевизору. Раньше они устраивали пикеты и голодовки в Метрополии. Но в прошлом году пикеты прекратились и начались теракты – два на Земле, и один на Луне, причем в результате последнего вымер целый купол – порядка сорока тысяч человек.

– Дед! – испуганно позвала Полина. – Дед, ты здесь? Дед, ответь! Ты слышал? Что это? Де-ед!

Наушник молчал. Полина вытащила из нарукавного кармана мятый лист смарта, расправила его и включила – но в нем не было ничего, кроме прошлогодней записки от матери «Не забудь купить киви!!!».

Сеть отсутствовала, подключения к серверам не было, даже связь с домашним смартфоном – про которую говорили, что она сохранится даже если погаснет Солнце – отсутствовала.

Рядом завывала какая-то тетка, ей тут же влепил пощечину стоящий рядом с ней мужчина в солидном костюме.

Мимо пробежал растерянный полицейский с безумными глазами. У порталов кто-то кричал – Полина издалека не видела, что там происходит. Она медленно пошла в ту сторону, но через мгновение мимо нее пробежал молодой парень с руками по локоть в крови.

Ей сразу же расхотелось идти к порталам.

– Красавица! – хриплый голос деда словно пробивался сквозь помехи. – Что у вас за бардак? Все каналы связи обрублены!

– А... – Полина встряхнулась. Дед был с ней! – У нас террористы. Возле порталов кровь. Это «Земля превыше всего». У меня нет связи с домашним смартфоном. Мама все узнает! И папа! Я же в другом куполе!

– Тихо! – рявкнул дед. – Если ты на открытом месте, немедленно беги к ближайшему зданию.

Полина рванула к Секторату, а через несколько мгновений раздался выстрел, второй, третий, и толпа на площади превратилась в сгусток боли и страха, перемалывающий себя рывками то в одну сторону, то в другую.

Несколько раз Полину толкали, однажды даже сбили с ног, но у нее была цель – стена. Вскоре она, миновав в несколько гигантских прыжков крутую лестницу, была под высокой дверью.

Она обернулась. Позади остался настоящий ад – множество людей носились по площади, а кто-то с крыш стрелял по ним, то одиночными, то короткими очередями, направляя толпу то в одну сторону, то в другую.

На разноцветных обсидиановых плитах остались люди. Некоторые шевелились, стонали или кричали в голос, другие лежали без звука и движения.

– Дед? – дрожа, спросила Полина.

Ответа не было.

Она робко тронула приоткрытую дверь парламента. Два года назад они были здесь на экскурсии – но тогда у входа стояли гвардейцы в высоких шерстяных шапках, а дверь перед детьми открылась автоматически.

Сейчас же ей предстояло войти самой.

Створка открылась на удивление легко, а потом сама закрылась – с глухим щелчком, и открыть ее снова Полине не удалось. Внутри оказалось темно, пустынно и прохладно. Когда весь Марс изнемогает от жары, обитатели Сектората могут себе позволить понежиться в прохладе!

– Красавица?

– Дед! – облегченно выдохнула Полина. – Ты здесь!

– Конечно, – ответил тот, и в голосе чувствовалась тревога. – Новости плохие. Земля потеряла связь с вами полностью. Порталы закрылись в один момент, порядка тридцати человек оказалось наполовину на Земле или Луне, и наполовину – на Марсе. Я послушал переговоры силовиков с Земли, те, которые без особой защиты. В общем, в Метрополии вас уже списали. Они уверены, что когда к вам прилетят космические корабли с Земли, они застанут только разрушенные купола.

– Что? – не поняла Полина.

– Вчера в Женеву пришел ультиматум от «Земли превыше всего». Они требовали свертывания космических программ и угрожали масштабными терактами на Луне. Про ультиматум никому не сказали, приняли все меры безопасности – на Луне, естественно. А рвануло у вас.

– И что теперь?

– Все плохо, – дед помолчал, потом продолжил. – Причем если бы я не настроил канал с тобой сильно заранее, сейчас даже я бы не пробился. В общем, автоматика считает наши разговоры обменом между метеорологическими серверами Плутона и Марса. Технической беседой тупых приборов. Если я попробую, к примеру, настроиться на разговор с твоим отцом или кем-то другим, эту попытку тут же пресекут программы террористов.

– То есть ты не можешь связаться ни с кем.

– Никто извне не может связаться ни с кем из вас, – уточнил дед. – Только я и ты. И я определенно знаю, что вас собираются убить. А также – что помощи с Луны или Земли не

будет, а на Фобосе и Деймосе даже орбитальных катеров нет, слишком привыкли к порталам. У вас есть какой-нибудь спецназ?

Полина задумалась. Хотя смысла в этом не было, как и спецназа. Была система регулировки подачи воздуха с возможностью добавлять туда различные составы. Если все плохо – сделаем людей чуть веселее. Если в каком-то куполе кто-то решил восстать – сделаем их сонными и вялыми. Если не поможет – отрубим им электричество. А потом и воздух – если понадобится.

– Спецназа нет.

– Полиция?

Полина вспомнила паникующего мужчину в форме и ей захотелось заплакать.

– Так, красавица, собираемся! Не реветь!

Все-таки он как-то подглядывал за ней, иначе как догадался о наворачивающихся слезах?

– Не буду, – нерешительно сказала она.

– В общем, у меня тут чертежи вашего купола. И еще – технический код, если его ввести куда надо, то управление силовыми установками и подачей воздуха переходит в автоматический режим. Террористам придется взрывать каждый генератор, а их, я подозреваю, всего человек пять-шесть. При том, что генераторов штук двести на купол.

– В Центральном – четыреста, и они в бронебойных бункерах! – вспомнила Полина рассказ из экскурсии.

– Давай, скажи, где ты. У вас вокруг площади есть четыре места, через которые можно подключиться к управлению всеми системами. В одном из них сидят террористы. К сожалению, мы не знаем – в каком. Но шансы – за нас.

– Я в здании Сектората, в вестибюле, – ответила Полина. – Тут почему-то пусто.

– Странно, но очень удачно. Здесь как раз есть комната управления – ну еще бы ее не было в здании, где находится парламент. Посмотри по сторонам: вентиляцию видишь?

– А зачем она мне?

– Комната на третьем этаже, и тебе надо туда попасть. Если не ты – то никто, понимаешь?

– Да, – прошептала Полина.

– Но я не хочу, чтобы ты поднималась по лестнице и шла открыто по коридорам. Просто на всякий случай. Скорее всего, тут никого нет – но просто на всякий случай, – повторил дед.

– Как выглядит вентиляция? – спросила Полина, озираясь.

– Либо это решетка на потолке, либо на стене. Возможно, их несколько. Тебе надо попасть внутрь, желательно быстрее.

Полина задрала голову. Решетки на потолке были. Но как до них добраться?

У стены стояла банкетка для посетителей. Если подвинуть ее в нужное место, да сверху еще поставить ну хотя бы вон тот стол... Нет, это смешно. Встав на диванчик и стол она, конечно, дотянется до решетки, но поднять вес своего тела в люк не сможет, несмотря на все пятерки по физкультуре.

– Вентиляция на потолке, слишком высоко, – с досадой сказала Полина.

Наушник задумался.

– А ты поищи простенок, – наконец посоветовал дед. – Узкое место.

Полина бросилась по вестибюлю искать это самое узкое место, а дед тем временем говорил:

– Как только ты заберешься в вентиляционную шахту, я буду направлять тебя, куда двигаться. Попасть в комнату через вентиляцию нельзя, но ты можешь подобраться к ней вплотную. А дальше – я скажу, что делать. Главное, ничего не бойся и слушай меня, поняла, красавица?

– Поняла! – почти с отчаяньем ответила Полина, и в этот момент наконец увидела вождь-ленный простенок: в нем стояла огромная кадка с искусственной пальмой. Сообщив в науш-

ник слово «эврика», Полина ухватила за края кадки и выдвинула ее из простенка. А дальше – просто. Надо только упираться в стену спиной и ногами, спиной и ногами, и помогать себе руками. Так, постепенно, подтягиваясь, она и добралась до верха.

– Где ты там, солнышко? – забеспокоился дед, слушая ее долгое молчание.

– Тут, – шумно выдохнула Полина. – Наверху. Последний штрих.

С этими словами, все еще упираясь ногами и спиной в простенок, она вынула решетку из пазов и бросила вниз. Та с глухим стуком ударилась об пол.

– Лезу, – сообщила Полина, подтянувшись на руках и забросила ноги в люк, наверх. – Я внутри вентиляции, дед!

– Да ты просто спайдер-герл, красавица моя. Теперь слушай внимательно...

* * *

Полина путешествовала по вентиляционной шахте, машинально выполняя распоряжения деда: «Вправо!» «Влево!» «Наверх!» При этом думала она о другом.

Глупость, но ей почему-то вспомнился Петька из ее класса. Тот самый Петька, который смотрел на нее преданными глазами, дарил ей ручки и ластик, был начисто лишен чувства юмора и всегда бледнел, когда получал не ту оценку, которой ждал. Вовсе не потому, что у него были слишком требовательные, как Полинина мама, родители. Родители носили его на руках, и могли, без сомненья, купить любимому сыну курс обучения в любом институте, не то что колледже. Просто Петька без этих пятерок чувствовал себя неуютно. Он по жизни чувствовал себя неуверенно, и наверняка бы не смог забраться в банк и взломать его – и погибнуть, опутанный проводами, с невозмутимой миной на лице...

Впрочем, про мину дед ничего не говорил. Полина домыслила сама. Она почему-то была уверена, что дед ни на секунду не дрогнул. А Петька бы дрогнул, это точно. Любой мальчишка из их класса дрогнул бы.

Еще несколько метров пути – и вот она, последняя решетка.

– Дед, я спускаюсь! Придется прыгать.

– Повисни на руках. И очень осторожно, слышишь? Я волнуюсь за тебя.

«Я за себя – тоже», – подумала Полина.

Уцепившись за края люка, аккуратно спустила ноги. Руки гудели от напряжения, но она постаралась как можно более мягко спрыгнуть...

Все равно получилось гулко, твердо, ноги приняли на себя главный удар, но в голове тоже немилосердно гудело.

– Я приземлилась, дед, – едва отдышавшись, сообщила Полина.

– Цела? – обеспокоенно спросил голос.

– Вроде.

– Дверь видишь?

– Да, и на ней, между прочим, кодовый замок.

– Так и должно быть. Сейчас будем экспериментировать. У этих дверей стандартный заводской код, я навел справки. Вернее, у них был стандартный код, до того, как его поменяли. Но обычно после установки меняют либо одну цифру, либо... Короче, сейчас попробуем. Набирай: «Тысяча сто двенадцать».

Полина нажала кнопки на гладкой металлической поверхности. Ничего не произошло.

– Мимо, да? – заговорил дед, не дождавись ее реплики.

– Угу. И что теперь, менять по очереди все цифры от одного до девяти? То есть, до нуля?

– Нет, это тупо. Дай подумать... Понимаешь, набор цифр не может быть случайным, он должен запоминаться. И не сильно отличаться от заводского кода – чтобы ремонтники или

спасатели могли легко вскрыть дверь в случае чрезвычайных обстоятельств, вот как сейчас... Попробуй набрать зеркальную последовательность: поменять первую единицу на двойку.

Полина сделала.

– Не-а.

– Теперь – вторую на двойку.

Полина набрала: «1212». Опять ничего.

– Теперь третью – на двойку?

– Вряд ли, но попробуй.

Она попробовала.: «1122». И опять неудача.

Дед задумался. Через некоторое время Полина сообщила:

«Я набрала «одиннадцать, тринадцать» и тоже глухо.

– Постой. Как ты произносишь исходную комбинацию? – заинтересовался дед.

– «Одиннадцать, двенадцать».

– То есть, как два числа? А ну, увеличь оба числа на порядок: «1213».

Как только Полина набрала эту комбинацию, замок щелкнул.

– Дед, ты гений! – радостно воскликнула она.

– Нет, – возразил голос. – Мы работали вместе. Осторожно заходи в комнату.

Полина, переполненная радостью, бросилась в комнату. Какой же дед молодец, какой он умный! Как здорово у них получилось: шутка ли, подобрать код!

Вот и пульт, перемигивающийся разноцветными лампочками. Она кинулась к нему...

И в этот момент ее ударили сзади по голове.

* * *

Очнулась Полина привязанной к батарее. Во-первых, в лицо ей брызгали водой, а во вторых, голос деда настойчиво, чуть ли не с ужасом, орал ей в ухо: «Где ты, где ты? Полина, Полина! Отзовись, Полина! О боже мой, какой я идиот!»

– Ну – очухалась? – насмешливо спросил кто-то.

Когда взгляд, наконец, смог различать предметы, Полина увидела перед собой небритую физиономию. Физиономия ухмылялась.

– Ну и ну! Сама додумалась, или кто подсказал?

– Что? – непослушными губами спросила девушка.

Голова так болела, что хотелось ее немедленно отрезать.

– Как нашла эту комнату, спрашиваю?

– Мы на экскурсии были, с классом, – ответила Полина первое, что пришло в голову.

Бандит присвистнул.

– Вот, значит, чему теперь детей учат. Раньше учили Родину любить, природу охранять. А теперь, получается – находить секретные комнаты? Да разве школа это должна делать! – гневно воскликнул бандит и поднялся на ноги. – Развели тут. Распустились и детей испортили. Нет, с этим надо кончать!

Дед в наушнике притих. То ли услышал голос и теперь лихорадочно обдумывал положение, то ли опять пропала связь, то ли...

Нет, о том, что дед просто сбежал и оставил ее, Полина не хотела даже думать.

– Секретный код тоже знала? – прищурился бандит.

– Нет, – честно ответила Полина.

– Подобрала значит, Лара Крофт? Ну ты даешь!

Перед глазами все двоилось. Дед называл ее девочкой-пауком, этот страшный человек зовет Ларой Крофт... Но она – ни то ни другое. Она просто неудачница. Лузер. И сейчас за это поплатится.

– Диверсантка из тебя никакая, – заявил бандит. – Во-первых, мы контролируем все пункты управления силовыми установками. Во-вторых, с пультом тебе все равно не справиться – не стоило и пытаться. А в-третьих – ты подумала, как выбираться будешь? Явно не подумала. А никак бы ты не выбралась – так что глупость одна, план твой.

Бандит сказал что-то в наушник рации, Полина не поняла. Она вообще плохо соображала сейчас, думая только об одном: где же дед? Спасет ли он ее?

– Знаешь, я уважаю решительных людей. Даже если они круглые идиоты, вот как ты, – весело сказал бандит. – Поэтому я сейчас расскажу тебе, что будет дальше. Мы отключим генераторы воздуха, один за другим. И все вы получите воздаяние за грехи. Марс вновь станет чистым и необитаемым. А тем, кто сейчас на Земле наблюдает за происходящим через камеры Фобоса и Деймоса, впредь будет неповадно. Загадили планету-матушку, а теперь загаживаем всю Солнечную? Так вот нет, не будет этого. Сидите, где родились. Еще маленький принц... – бандит воздел вверх указательный палец, – каждое утро приводил в порядок свою планету. А вы что, возомнили себя умнее маленького принца? Лучше, чище, ну?

Террорист нагнулся и вплотную приблизил лицо к лицу Полины, дохнув на нее крепким ароматом ментола. Увидев его глаза девушка поняла, что он совершенно, абсолютно безумен.

– Так, красавица, говорить можешь? – раздался голос деда.

– Нет, – ответила она сразу обоим собеседникам.

– Ты ведь понимаешь, что все идет неправильно? – террорист грустно улыбнулся. В этот же момент в наушнике раздалось:

– Ты попалась?

– Да, – вновь сразу обоим ответила Полина.

– Ладно, – дед тяжело вздохнул. – Изображаем страх и слушаем меня.

В общем-то, ей даже прикидываться не требовалось. Человек напротив внушал ей искреннее чувство ужаса. Тем временем он продолжил разглагольствовать.

– Как ты думаешь, много ли найдется желающих ехать в эти хрупкие купола после нашего акта возмездия? Подозреваю, что кроме самоубийц никто не отважится. Мы в тупике, и никто не собирается нас из него выводить. Цивилизация катится вниз по инерции. Образование с каждым годом все хуже и хуже. Вот ты знаешь, что простой монтажник, который варит титановые конструкции на орбите Марса, получает больше, чем врач-хирург с десятилетним стажем?

– Знаю, – кивнула Полина. Ее мать работала эндокринологом, а не хирургом, но принцип она понимала.

– Вот, – торжествующе кивнул террорист. – Мы поощряем посредственность! Надо вернуться на Землю! Надо решить свои проблемы – а потом уже рваться к звездам!

– И поэтому вы убьете меня, моих папу и маму, – внезапно вырвалось у девушки.

– И умрем сами, – серьезно кивнул собеседник.

Он выкатил откуда-то тяжелое черное кресло на блестящих колесиках и сел на краешек сиденья. В глазах его пылал огонь, чувствовалось, что для него важно доказать ей свою точку зрения.

– я не могу пробиться сквозь систему безопасности, – пожаловался дед. – Вижу только один выход: ты должна ему про меня рассказать.

– Зачем? – спросила Полина.

– Ну я же объяснял! – вскочил террорист. Он казался бы даже симпатичным, если б не безумие в глазах. Чернявый, спортивный, с плавными жестами человека, знакомого то ли с боевыми искусствами, то ли с танцами. – Нужно показать бессмысленность современной космической программы! Мы вбухиваем половину земного бюджета в Луну и Марс, а между тем океаны загрязнены, парниковый эффект меняет наш климат, города перенаселены!

– Мне нужно, чтобы твой собеседник захотел поговорить со мной. Это наш единственный шанс.

– Я хочу признаться, – уверенно заговорила Полина. По сравнению с недавним лепетанием контраст был сильным.

– В чем? – удивился террорист.

– Я не одна. У меня техподдержка, – девушка мотнула головой, пытаясь показать на ухо.

– Это невозможно, – усмехнулся чернявый. – Вся связь обрублена. Я по второму образованию телеметрист, можешь мне верить.

Полина улыбнулась. Она просто не смогла удержаться. Все люди как люди, а ее дед – волшебник! Он совершает то, что для всех остальных – невозможно.

– Яне вру. Со мной сейчас разговаривает человек, находящийся в теле андроида на Плутоне. Спроси у меня что-нибудь, чего я не могу знать.

– Число Пи до сотого знака!

Полина диктовала цифры, и с каждой следующей лицо террориста вытягивалось. Наконец он взмахнул рукой, останавливая девушку, и потянулся к кобуре на поясе.

– Если ты меня убьешь, то не узнаешь целей и возможностей моего собеседника, – все так же под диктовку сказала Полина. – Он готов поговорить с тобой.

– На каких условиях? – настороженно поинтересовался террорист.

– Без условий. Просто скажи свой идентификатор.

– Ноль семь, одиннадцать, гамма, двадцать четыре, эпсилон.

– Удачи нам, красавица, – шепнул дед.

И сразу после этого Полина почувствовала пустоту. Она понимала, что сейчас дед свяжется с террористом, и тот обрубит их канал связи, узнав, что они прикидывались метеорологическими серверами. Смерть ее пугала даже меньше, чем расставание с дедом.

– Привет, привет! – воскликнул тем временем террорист и широко улыбнулся. Одновременно его пальцы летали над смартфоном. – Ух ты! Но это невозможно... Стандартные пакеты... Как ты говоришь?

Полине было жутко интересно, что же там говорил дед. Но слышать она могла только чернявого.

А тот то на минуту замирал, то отвечал междометиями.

Неожиданно Полине вспомнился момент, когда дед в первый раз постучался в ее плэнэт-аккаунт.

У нее было плохое настроение, как всегда перед контрольной по истории. Полина знала точно: если провалит контрольную, мать устроит ей Варфоломеевскую ночь и Утро стрелецкой казни. Она тупила над учебником и не хотела ни с кем разговаривать – да и не могла, ведь надо было зубрить. Но кто-то аккуратно, с периодичностью раз в пять минут, тренькал и посылал ей запрос. В конце концов она решила глянуть, кто это такой настойчивый – тем более, что даты все равно не лезли в голову.

– Разрешите здесь приземлиться? – спросил незнакомый, но какой-то очень дружелюбный голос.

У Полины в один момент поднялось настроение, и она сказала:

– Здравствуй!

– Ого! Сразу на «ты»? Это обнадеживает – откликнулся довольный голос. – Не будем ходить вокруг да около, красавица. Как это ни прискорбно – я твой дед.

...Конечно, она сначала не поверила. Думала – прикалываются мальчишки, или, того хуже – девчонки из класса подговорили какого-то взрослого, и он ломает перед Полиной комедию. Но голос стал рассказывать ей про Землю. И зачитывать наизусть всякие книги. И петь разные старые песни – какие знал только папа, смутно помнил из детства. И в конце концов, она убедилась, что голос говорит правду.

И контрольную она написала на «отлично» – тоже помог дед.

А потом было еще много всяких разговоров – днем и даже ночью. Она могла бы говорить с ним вечно, двадцать четыре и шесть десятых часа в сутки...

И тут чернявый с чувством произнес:

– Мне жаль, что ты не с нами. Что? Хм.

Он глянул внимательно на Полину, затем на экран своего смартфона.

– Вынужден отказаться. Проект «Марс» закрывается, и никто не выживет. Что? Так не бывает!

Террорист серьезно взглянул на Полину и сказал:

– Расскажи мне правду о том человеке, с которым я только что общался. Если твоя и его версия совпадут, у тебя появится шанс выжить.

Девушка внутренне застонала. Что ему рассказал дед? Правду? Или ложь? А если ложь – то какую? Выбора не было – она могла сказать только то, что знала сама.

– Это мой дед. Он умер тридцать четыре года назад. Перед смертью он сделал электронный слепок личности и загрузил его на сетевое кладбище. Четыре года назад метеорологическая корпорация с незапоминающимся китайским названием предложила моему отцу денег за этот слепок...

– Зачем? – перебил ее чернявый.

– Две причины. Первая – использование искусственного интеллекта в автономных телах запрещено законодательством. Вторая – делать постоянный портал с Плутоном или посылать туда экспедиции каждые полгода слишком дорого. А так они просто купили личность деда и загрузили ее в андроида. Один раз заплатили, получили вечного техника.

– Ты знаешь, что создание электронных слепков тоже запрещено? – поинтересовался чернявый.

– Конечно, – Полина грустно улыбнулась. – Но слепки, которые были сделаны до принятия закона, легальны.

– А твой отец – бессердечный подонок, – усмехнулся террорист. – Продал деда в вечное рабство, ишь ты! Как думаешь, твой дед может сам сделать электронный слепок?

– Если кто и может, так это он, – твердо ответила Полина.

Она слышала, что эта операция требовала подсоединения к сети на уровне нейрошунтов, специфического оборудования и вообще уже лет тридцать как ее никто не делал. Но с тех пор технологии продвинулись далеко вперед, а дед не раз уже доказывал, что для него нет ничего невозможного.

– Ты не думай, я правда готов умереть ради будущего Земли, – начал внезапно оправдываться террорист. – Но если можно выжить, не подводя товарищей, то почему бы нет? Мы договорились с твоим дедом – он делает слепок с моей личности, я общаюсь с ней и понимаю, что все в порядке, а потом он делает слепок с твоей. Марс умрет, но мы выживем.

Он и вправду был безумен. Полина отчетливо понимала – они умрут. Слепки – это не они, это какие-то единички и нолики в бескрайних просторах плэнэт-сети. Неужели дед сдался, и решил просто снять такой слепок с нее? Но почему он тогда просто не предложил сделать это?

– Ему нужен хороший канал, – словно отвечая на ее вопрос, заявил террорист. Он лихо радочно шелкал пальцами по смартфону. – Ну него будет хороший канал!

Некоторое время в комнате ничего не происходило, только слышался шорох скользящих по пластику пальцев.

Затем чернявый встал с кресла и лег на пол. Время застыло.

Полина боялась признаться себе, что это конец. Конечно, никто не мог бы спасти Марс. Конечно, дед искал хоть какой-то выход – и даже нашел его. Хоть какой-то. Но это было так... беспомощно и грустно. И так не совпадало с ее представлениями о нем!

Но вот реальность: она придумала себе героя, а на самом деле он – просто преступник, который не смог избежать глупой смерти, чтобы нормально воспитать сына и спокойно стареть, наслаждаясь жизнью.

* * *

– Красавица? – голос был незнакомый, и шел не из динамика в ухе, но интонации она спутать не могла!

– Дед?!

– Почти, – чернявый не смог подняться, его руки разъехались и он шлепнулся затылком об пол. – Слепок со слепка. Вторая копия, сделанная в кустарных условиях. Ох, что-то у нас не то с мозжечком... Ты это тело по голове не била?

Полина нервно улыбнулась, потом расхохоталась, и смеялась, не в силах остановиться. Ну и душой же она была! Вот так вот взять и перестать верить в деда! А он... А он опять совершил невозможное!

– Ага, так это не правая рука, – тем временем слепок-со-слепка более-менее освоился в теле террориста. – Ох, как же клево чувствовать боль! Тепло, холод, прикосновение!

– В твоём теле на Плутоне этого не было? – удивилась Полина.

– Ты бы очень удивилась, узнав, какой эрзац эти жмоты подсунули мне вместо тела...

Дед, не рискуя вставать на ноги, подполз к девушке на четвереньках и отвязал ее от батареи. Затем добрался до пульта, кое-как взгромоздился на кресло и принялся за работу.

– Как же я отвык от нормальных интерфейсов! Представляешь, на Плутоне нет ни одного экрана. Корпорации невыгодно создавать технологии, работающие при минус сотне для одной-единственной метеостанции. Хорошо хоть существуют голосовые интерфейсы, которые можно настроить под себя. План Центрального купола я слушал в виде трехсот разных по частоте и силе звуков, неплохая кантата получилась. Кстати, так гораздо проще «видеть» объемные карты – только сноровка нужна, и память хорошая. А вот на памяти для меня корпорация не сэкономила, потому что я одновременно был и ее «черным ящиком» на случай катастрофы. Все!

В этот момент вверху вспыхнули ярким светом лампы, и загудел торжественный голос:

– Внимание! Это не учебная тревога! Включен аварийный режим энергообеспечения! Внимание!..

– Бежим! – дед схватил Полину за руку и рванул к выходу из комнаты.

У нее только-только отошли отсиженные ноги и едва начало колоть в руках, предвещая скорую боль от проходящего онемения.

– Куда?

– В кафе!

Полина ничего не понимала. Вокруг полно террористов, Марс все еще в опасности, а они бегут в какое-то кафе! Тем не менее один раз она уже усомнилась в деде – и оказалась права. Второго раза – она решила это твердо – не будет.

Всюду ярко горел свет, высоченные потолки и ковровые дорожки пустого Сектората сменялись широкими лестницами и узкими технологическими проходами, а они все бежали и бежали. И в тот момент, когда девушке уже казалось, что в легких поселилось Солнце, а сердце вот-вот выскочит через горло, они ввалились в большое помещение с уютными столиками и длинной стойкой с подносами.

Дед поднес смарт террориста к дверному проему и набрал какие-то цифры. Тут же сверху опустилась металлическая перегородка и заблокировала вход.

– Успели, – дед рассмеялся. Теперь в этих глазах не было безумия – там плескались азарт и веселая уверенность. – В общем, в здании есть четыре помещения, которые можно полностью заблокировать. В одном – зале заседаний – заперли всех парламентариев и примкнувших к

ним. Второе – комната для делегаций. Третье – бомбоубежище внизу. И последнее – как раз кафе. Так что мы в полной безопасности до момента прилета подкрепления с Земли.

– И что теперь? – поинтересовалась девушка.

– У меня есть три задачи, выполнение которых обязательно, – улыбнулся дед. – Во-первых, напоить тебя кофе.

Что-то щелкнуло в голове у Полины. Не так давно было что-то, связанное именно с кофе. Вот только что? За последнее время произошло так много всего...

Она последовала за дедом на кухню, там он легко разобрался с громадной машиной и через пару минут в чашечки уже лился ароматный эспрессо.

– А что потом? – поинтересовалась она, взяв свою порцию.

– Все должно быть вовремя, погоди.

Они сели за столик. Дед со смарта приглушил яркий свет. Полина внезапно вспомнила про родителей – но ее гаджет так и не подавал признаков жизни.

– Плэнэт-сервера мертвы, – подтвердил догадку дед. – Но ты не беспокойся – террористы не успели отключить ни один купол полностью. В седьмом, девятом и одиннадцатом вырублено до трети генераторов, но воздуха хватит до прилета помощи. Твои родители живы и здоровы.

– Расскажи про себя, – попросила девушка.

– Да что рассказывать? Я был глупым и упертым, а потом сразу стал старым и неуклюжим, – рассмеялся дед. – Вот и вся история. Я слишком мало уделял внимания семье. Эту ошибку мне уже никогда не искупить. Лучше расскажи, как у тебя в школе?

Они пили обжигающий кофе маленькими глотками, перекидываясь фразами.

Было ощущение, что они опять только-только познакомились. Словно не было этих месяцев, за которые дед стал для Полины самым близким человеком – но чувствовалось, что дистанция между ними небольшая, и скоро снова исчезнет. И можно будет говорить о самом личном без страха и неудобства.

Когда кофе кончилось, дед сделал еще порцию, и разговор продолжился. А потом он спросил:

– Тебе какие танцы нравятся?

– Да мне в общем-то все равно, – ответила Полина. – Ну, вальс, наверное. Еще танго, но я его танцевать не умею. Всякие мазурки и менуэты вообще для меня темный лес. Под современную музыку попрыгать можно.



– Ну, тогда пусть будет вальс, – сказал дед, и что-то набрал на смарте, а потом явно потянул на нем бегунок, увеличивая громкость.

Заиграла музыка. Вроде бы это был Шопен, но что-то из не очень известного.

– Да ладно! – возмутилась Полина. – Там люди на улице мертвые! Здесь за стеной террористы небось пытаются к нам добраться!

– И тем не менее, – дед улыбнулся. – Знаешь, в Южной Америке есть обычай – на пятинадцатилетие девушка танцует со всеми своими родственниками-мужчинами, а они дарят ей разные подарки.

– У меня день рождения был три месяца назад!

– Моя корпорация отказалась предоставить мне отпуск в то время!

Полина неожиданно для себя расхохоталась. А потом встала и протянула руку стоящему рядом деду.

А потом был танец. Причем в нем не было ничего фривольного, даже на малую долю. Просто Полине рядом с этим человеком было так спокойно и уверенно, как ни с кем и никогда.

И пусть где-то рядом еще пытались уничтожить Марс террористы с вырванными клыками, пусть помощь в виде космических кораблей с Земли еще была в пути – это не имело значения.

Не надо было думать, не надо было что-то делать, дед вел ее четко и точно. Полине оставалось только следовать за ним, наслаждаясь ощущением безопасности.

– Благодарю вас, – коротко поклонился дед.

– Вы очень любезны, – по ощущению, у Полины впервые в жизни получилось сделать книксен изящно, а не кое-как.

– Ты говорил о трех задачах, – вспомнила девушка.

– Да, – согласился он. – Но всему свое время.

Девушка поджала губы. Дед посмотрел на нее, покачал головой и сказал:

– Понимаешь, первая копия – то есть настоящий я – осталась там, на Плутоне. И когда сюда прилетят с Земли и начнут расследование, если я попаду к ним в руки – а других вариантов нет – они быстро все выяснят. Меня сотрут. Личность в андроиде на Плутоне – тоже. Дед, которого ты знаешь, исчезнет навсегда.

– И что же делать?

– Есть единственный вариант. Помнишь, я тебе пересказывал фильм, в котором андроид из будущего уничтожает новейшую разработку...

– ...А потом и самого себя?

– Да.

У Полины навернулись слезы.

– Да ладно, хватит тебе, – ворчливо заявил дед. – Во-первых, я всего лишь вторая копия. Во-вторых, тот Дед, с которым ты общалась все это время, останется жив – и вы сможете продолжить ваши разговоры. А пока – сделаешь мне смузи? Я слышал, у тебя отлично получается.

Здесь ягодный фреш был не замороженным, а охлажденным. И выбор, выбор!

Полина плакала и делала смузи.

И постепенно понимала.

Пусть все идет так, как идет. Ее дед – тот, который на Плутоне – наверняка найдет выход, и рано или поздно будет рядом с ней.

Потому что теперь он точно знает – это возможно.

А он, вообще-то, специалист по самым невозможным вещам.

Вместе со смузи она шагнула обратно к световому кругу, в котором сидел дед.

В кафе тихо играл вальс. А внутри у девушки рвал душу на части сбивающийся южно-американский ритм.

Почти маджонг

– Ваш ход, ладья.

– Стоп!

Пухлый режиссер в клетчатом пиджаке вскакивает и машет руками.

– Что вы мямлите, что вы мямлите? Ли, проснитесь уже, черт возьми! Вы же влюблены в нее, вы скоро погибнете – и вам отчаянно, безумно жаль! Покажите это зрителю, чтобы зритель рыдал! Ане бубните, как комическая старуха, забывшая вставную челюсть в примерке.

На сцене – мужчина и женщина. Черно-белые декорации, прожекторное освещение. Он – в смокинге, она – в вечернем платье. Звучит регтайм.

– Простите, мэтр, задумался.

Ли слегка наклоняет голову. Он – высокий брюнет, отлично сложенный, с классическими чертами лица.

– Думать будете в sudoku. А здесь театр, здесь надо играть. Жить! Еще раз с реплики ладьи. Хидден, помогите ему.

Режиссер усаживается в кресло. Хидден кивает. Она – пепельная блондинка, высокая, очень грациозная. Взгляд прямой и честный – ладья. На сцене ей легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.